

UNIVERZITA KARLOVA

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Bakalářská práce

Yulia Yakubenkova

**Образ «маленького человека»
в творчестве Н.В. Гоголя
и А.П. Платонова**

Obraz «malého člověka»
v díle N.V. Gogola a A.P. Platonova

«Little Man» Characters in the Work
of Nikolai Gogol and Andrei Platonov

Vedoucí práce: doc. PhDr. Hanuš Nykl, Ph.D.

Praha 2018

Poděkování

Děkuji vedoucímu mé práce, docentu Hanuši Nyklovi za poskytnutou podporu, věcné, logické rady a také za to, že mně nebránil v mém volnějším přístupu k práci, toleroval moji touhu po svobodě při vyjádření vlastních myšlenek a pomáhal je přizpůsobit akademické formě.

Velké poděkování patří i mým rodičům za jejich bezpodmínečnou důvěru a podporu a všem přátelům v Česku, Rusku a Kanadě, kteří se mnou v průběhu roku diskutovali o literatuře, čímž napomáhali k vybroušení ústřední myšlenky této práce.

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne 4. 5. 2018

Абстракт и ключевые слова

Данная работа представляет собой анализ термина «маленький человек». В первой главе последовательно разбираются отдельные аспекты общей формулировки термина. Вторая глава посвящена героям «петербургских» повестей Н.В. Гоголя, т.к. они являются наиболее репрезентативными представителями типа «маленький человек». Третья глава рассматривает персонажей А.П. Платонова, противопоставляя их по ряду признаков персонажам Н.В. Гоголя, и, таким образом, полемизирует с утверждением, что героев А.П. Платонова можно интерпретировать как «маленьких людей». Большая часть анализируемого материала является вторичной литературой, преимущественно критикой, потому как сам термин «маленький человек» является литературоведческой абстракцией, и его анализ невозможно осуществить, опираясь исключительно на первичные источники.

Ключевые слова: русская литература, маленький человек, Николай Гоголь, Андрей Платонов

Abstrakt a klíčová slova

Tato bakalářská práce se zabývá analýzou pojmu «malý člověk». V první kapitole jsou postupně probrány různé aspekty obecné formulace pojmu. Druhá kapitola je věnována postavám „petrohradských“ povídek N.V. Gogola, jelikož jsou nejreprezentativnějšími představiteli typu „malý člověk“. Třetí kapitola pojednává o postavách A.P. Platonova, srovnává je s postavami N.V. Gogola a polemizuje se vnímáním postav A.P. Platonova jako „malých lidí“. Analýza z větší části vychází ze sekundární literatury proto, že samotný pojem „malý člověk“ je literárněvědnou abstrakcí, jejíž rozbor nelze uskutečnit jenom na základě primárních zdrojů.

Klíčová slova: ruská literatura, malý člověk, Nikolaj Gogol, Andrej Platonov

Abstract and key words

This bachelor thesis is an attempt at a detailed analysis of the term «little man». The first chapter includes coherent reviewing of different aspects of general formulation of the term. The second chapter is dedicated to the characters of so-called Petersburg Tales by Nikolai Gogol, as they are the most representative examples of the «little man» type. The third chapter examines the characters of Andrei Platonov's work, compares them with Nikolai Gogol's characters and takes a stand against interpreting Platonov's characters as «little men». The analysis is primarily based on secondary sources, because the term «little man» itself is an abstraction, used mainly in literary criticism, thus, implementation of an analysis using primary literature only seems to be impossible.

Key words: Russian literature, little man, Nikolai Gogol, Andrei Platonov

Содержание

Введение.....	6
Глава 1. «Маленький человек»: интерпретации и признаки.....	9
Глава 2. «Маленький человек» и персонажи Н.В. Гоголя.....	25
Глава 3. «Маленький человек» и персонажи А.П. Платонова.....	41
Заключение.....	57
Библиография.....	59

Введение

Понятие «маленького человека» прочно закреплено в сознании русского человека еще со школьной скамьи. Однако, как и любое другое научное понятие (ведь, при всей своей прозрачности, «маленький человек» — это отдельный термин в рамках литературоведения), оно далеко не так однозначно, каким кажется на первый взгляд. Основная проблема данного термина в его нечёткой формулировке и широком охвате. В зависимости от источника, могут варьироваться предполагаемое время появления и отличительные признаки типа, степень его уникальности в рамках мировой литературы, список произведений, в которых он представлен, а главное – смысловое наполнение понятия, иначе говоря, содержание концепта. «Маленького человека» интерпретируют в атеистическом и христианском ключе, его противопоставляют романтическому герою и к романтическому герою приравнивают, его выделяют из толпы и смешивают с толпой, его делают жертвой социальной несправедливости и виновником собственной судьбы. Как отметил А. Гуторов в своей статье «„Маленький человек” в русской литературе XIX века», «несмотря на частое употребление словосочетания „маленький человек”, его литературоведческий смысл еще до конца не определен»¹. Статья была написана в 1983-м году, но и по истечении тридцати пяти лет эта тема не получила достаточного развития.

Если говорить об авторах, создавших в том или ином произведении тип «маленького человека», то в большинстве работ упоминается главным образом А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов. Кроме того, некоторые включают в этот список Н.М. Карамзина (соответственно, считая создание «Бедной Лизы» точкой отсчёта для «маленького человека»), Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, Н.С. Лескова, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, иногда И.С. Тургенева, а обновлённый тип XX века видят в произведениях М. Горького, Ф.К. Сологуба, А.Т. Аверченко, М.А. Булгакова, М.М. Зощенко и А.П. Платонова. Для того, чтобы соглашаться с этим списком или полемизировать с ним, необходимо вначале определиться с концепцией «маленького человека» и внятно сформулировать основные признаки,

---

¹ Гуторов А. «Маленький человек» в русской литературе XIX века // Studia Rossica Posnaniensia, №17, 1983. Режим доступа: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17-s23-46/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17-s23-46.pdf (дата обращения: 30.04.2018)

свидетельствующие о принадлежности персонажа к данному типу. Этому будет посвящена первая глава.

Важно отметить, что «маленький человек» — это абстракция, включающая в себя множество подтипов, иногда родственных, иногда противопоставленных друг другу по тем или иным аспектам. Для удобства в моей работе подтипы будут носить имена авторов. Таким образом, Акакий Акакиевич Башмачкин будет примером гоголевского, а Макар Деушкин – примером Достоевского подтипа «маленького человека».

Цель этой работы – рассмотреть последовательно ряд характерных признаков, типичных для «маленького человека» (в рамках определённых интерпретаций), и на основе соответствия/несоответствия этим признакам проанализировать героев Н. Гоголя и А. Платонова и определить черты, отличающие их друг от друга, а также синтезировать «уникальности» отдельных персонажей в «гоголевский» и «платоновский» подтип «маленького человека» (при условии, что персонажи Платонова действительно отвечают содержанию термина).

Вторая глава будет посвящена Гоголю. Герои Гоголя (в особенности герои так называемых «петербургских повестей») являются своеобразным центром тяжести для концепта «маленького человека». Проблема заключается в том, что, когда мы говорим о «маленьком человеке» Гоголя, нам вспоминаются устоявшиеся кодифицированные формулы, часть из которых является немного отретушированными советскими трактовками, преследовавшими идеологические цели наравне с эстетическими, часть – набором неупорядоченных умозаключений, невозможность свести их в единое целое весьма очевидна. Данная работа – попытка суммировать и систематизировать ключевые пункты различных интерпретаций, создавая из них логически стройную конструкцию, не подстроенную под существующий размытый шаблон. Как верно отметил Виктор Ерофеев, «наше отношение к Гоголю до сих пор нередко носит, прямо скажем, "школьный" характер. Общий смысл его художественного творчества нам представляется ясным, простым, однозначным. Гоголь - гениальный социальный сатирик. Эта формула никак не вмещает всего Гоголя, в ней есть доля правды, но далеко не вся правда, она слишком узка для Гоголя»². Я постараюсь осветить основные

---

² Ерофеев В.В. Розанов против Гоголя // Вопросы литературы, №8, 1987. Режим доступа: [https://www.e-reading.club/bookreader.php/22187/Erofeev - Rozanov protiv Gogolya.html](https://www.e-reading.club/bookreader.php/22187/Erofeev_-_Rozanov_protiv_Gogolya.html) (дата обращения: 30.04.2018)

интерпретации гоголевских произведений, имеющие отношение к «маленькому человеку», в условно хронологическом порядке. В каждом абзаце будут процитированы критические источники разных лет (от современных Гоголю до собственно современных). Подчеркну, что задачей этой части работы является не составление антологии критики по теме, а построение собственной концепции на базе выборки литературоведческого материала. Соответственно, каждый пункт либо полемизирует с определённым подходом, либо акцентирует внимание на идеях, которые способствуют построению логически цельного концепта. Формулировке этого концепта будет посвящена заключительная часть главы.

Третья глава будет посвящена Платонову. При сравнении гоголевского и платоновского героя необходимо начать с того, что в бытующая в литературоведении параллель, на которой я сосредотачиваюсь, зиждется именно на концепте маленького человека. Откровенно «масочные», гротескные персонажи (гоголевская драматургия, а также «Мёртвые души») предметом данного исследования не являются. Соответственно, не рассматриваются и сатирические мотивы Платонова. Не рассматриваются также его персонажи, воплощающие мелочность, злобу, агрессивность, бюрократическую механичность и пр. Коль скоро главным представителем, канонем так называемого «маленького человека Платонова» считается персонаж Юшки, я и буду исходить из предпосылки, что под «платоновским маленьким человеком» имеется ввиду другая порода: мудрый, земной, отважный, добрый и простой (или мнимо простой) типаж, регулярно встречающийся как в рассказах, так и в романах Платонова.

Среди цитируемых авторов есть не только филологи и литературоведы, но и философы, поэты и писатели (В. Розанов, В. Набоков, И. Бродский, М. Шишкин), потому как их интерпретации были для меня интересны и ценны своей свежестью и субъективностью. Они способствуют более полноценному и всестороннему анализу произведений и персонажей. Некоторые приводимые цитаты достаточно объёмны в силу того, что для меня было принципиально не изымать фразы из контекста, чтобы не спровоцировать искажение авторской мысли. Каждую главу завершает вывод, структурированный как ряд значимых пунктов. Выводы глав суммируются в заключении работы.

Глава 1.

«Маленький человек»: интерпретации и признаки

О «маленьком человеке» говорится как об определённом литературном типе. Конкретизируем, что под этим подразумевается. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» можно прочитать следующее определение: «Тип — в произведениях литературы и искусства образ, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории»³. Отсюда можно заключить только одно: представитель литературного типа является обобщением, но при этом не утрачивает оригинальную индивидуальность (или временную контекстуальность). Говоря проще, представитель типа одновременно отсылает к общему и частному, он условен за счёт своей универсальности и реален, осязаем за счёт своей уникальности. Очевидно, что тип составляет группа персонажей, по какому-то критерию объединённых, при этом они не взаимозаменяемы и не тождественны, иначе не было бы нужды в существовании отдельных персонажей. Это даёт нам некоторую свободу, обязывая к поиску только нескольких объединяющих критериев для группировки; освобождает нас от необходимости доказывать абсолютную «родственность» персонажей. Развивает понятие типа «Словарь литературных терминов»: «Тип – Предмет или явление, заключающие в себе черты, повторяющиеся в большом ряде других, подобных им, явлений или предметов почитаем мы типичными. <...> Типическое содержание, воплощенное в индивидуальные формы — в этом основной признак художественного творчества. Чем ярче, полнее это воплощение и, с другой стороны, чем шире, общее то, что воплощено, тем данное произведение художественнее. И под понятие литературного типа в собственном его значении, подойдут <...> лишь образы героев и лиц <...> обладающие огромной обобщающей силой, широтой жизненных применений, бесконечной изменчивостью содержания, которое можно под них подвести, и в то же время исполненные иллюзий своей совершенной жизненности, живой реальности воплощения»⁴. Данное определение

---

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий. Сост. Николюкин А.Н. Москва: Интелвак, 2001, с.1074

⁴ Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов в 2-х т. Москва; Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения: 30.04.2018)

привносит логику в мнимое противоречие универсальности и уникальности в границах одного персонажа: типичность – вопрос содержания, тогда как индивидуальность – вопрос формы. Моя работа представляет собой попытку сконцентрироваться на смысловом содержании типа «маленького человека» и не предполагает излишне пристального внимания к формальной стороне, потому как изобразительные средства, художественные приёмы, особенности отдельных персонажей и сюжетные схемы обоих авторов (Гоголя и Платонова) не обойдены вниманием литературоведов, в отличие от типа «маленького человека» (а в особенности «маленького человека» в творчестве Платонова). Как уже было упомянуто во введении, чтобы избежать излишнего, неправомерного обобщения, тип будет подразделён на подтипы по критерию принадлежности перу того или иного автора. Тем не менее, первая глава рассматривает «маленького человека» в его наиболее общих чертах, чтобы работа была выстроена с учётом движения от общего к частному.

Для начала сравним несколько определений типа «маленького человека» (в дальнейшем слово «тип» будет подразумеваться и опускаться). Формулировки взяты из разных источников, но ощутимо перекликаются.

Статья Е. Емца и С. Якимовой «Развитие образа “маленького человека” в произведениях русских классиков XIXв.» формулирует понятие так: «Образ “маленького человека” – это своего рода обобщенный портрет бедного мелкого чиновника, оскорбляемого высшими по чину сослуживцами. Это бесправная личность, которая бессильна перед жизнью и ее обстоятельствами. Иногда такой человек, повинуясь зову души, начинает бороться против несправедливости. Но это зачастую несет в себе трагические для него последствия – безумие, смерть. Это человек “маленький” в социальном плане, “незаметный” герой, который вынужден жить на нижнем этаже общественной пирамиды»⁵.

Далее рассмотрим текст из электронного «Банка рефератов» (замечу в скобках, интересуется он меня как активный распространитель популярно излагаемых литературоведческих теорий и терминов, соответственно, именно эта формулировка

---

⁵ Емец Е.В., Якимова С.И. Развитие темы «маленького человека» в произведениях русских классиков XIX века. Ученые заметки ТОГУ, №3, 2016. Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_130.pdf (дата обращения: 30.04.2018)

будет доступна и знакома наибольшему количеству людей): «Определение “маленький человек” применяется к разряду литературных героев эпохи реализма, обычно занимающих довольно низкое место в социальной иерархии: мелкий чиновник, мещанин или даже бедный дворянин. Образ “маленького человека” оказывался тем более актуален, чем более демократичной становилась литература. <...> Тему “маленького человека” поднимают многие писатели. Она всегда была актуальна, потому что ее задача - отражать жизнь простого человека со всеми ее переживаниями, проблемами, бедами и маленькими радостями. Писатель берет на себя тяжкий труд показать и объяснить жизнь обычных людей <...> В русской литературе XIX века изображение образа маленького человека стало особенно популярным. Над ним работали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Грибоедов, Достоевский, Чехов, Лев Толстой и многие другие писатели <...> уже со второй трети XX века этот образ исчезает со страниц литературных произведений, так как метод социалистического реализма не предполагает такого героя»⁶.

Развёрнутое определение даёт статья А. Гуторова «“Маленький человек” в русской литературе XIX века»: «“Маленький человек” — одно из значительных достижений мирового искусства, и осозная его в собирательном значении, как некий единый образ, “сверхтип”, Л. Лотман приравнивает его к Гамлету и Дон-Кихоту <...> Представление о литературном статусе „маленького человека” то и дело осложнялось как нравственно-религиозной, так и в разных вариантах социально-идеологической концепциями. <...> Теперь если в самых общих чертах попытаться построить литературную модель „маленького человека”, то она вместит в себя, во-первых <...> принцип социальности, основанный на противопоставлении персонажей такого типа сильным мира сего <...> Во-вторых, психологический мир „маленького человека” ущербен, его самочувствие и самосознание включает своеобразный комплекс человеческой и социальной неполноценности. Наконец, в-третьих, нельзя не отметить, что авторское отношение к такому литературному герою проявляется как выражение сочувствия и сострадания. Внутри данной модели могут быть внутренние противоречия и отклонения»⁷.

---

⁶ Образ «маленького человека» в произведениях русских классиков. Автор не указан. Режим доступа: http://www.Ozd.ru/literatura/obraz_malenkogo_cheloveka_v.html (дата обращения: 30.04.2018)

⁷ Гуторов А. «Маленький человек» в русской литературе XIX века // Studia Rossica Posnaniensia, №17, 1983. Режим доступа: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17-s23-46/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17-s23-46.pdf (дата обращения: 30.04.2018)

Следующее толкование взято из энциклопедии «Литература и язык» под редакцией А. Горкина: «Маленький человек – это ряд разнообразных персонажей в русской литературе XIX в., объединённых общими признаками: низкое положение в социальной иерархии, бедность, незащищённость, что обуславливает особенности их психологии и сюжетную роль жертвы социальной несправедливости и бездушного государственного механизма, часто персонифицированного в образе “значительного лица”. Им свойственны страх перед жизнью, приниженность, кротость, которая, однако, может соединяться с ощущением несправедливости существующего порядка вещей, с уязвлённой гордостью и даже кратковременным бунтарским порывом, как правило, не приводящим к изменению сложившейся ситуации. Тип маленького человека, открытый А.С. Пушкиным (“Медный всадник”, “Станционный смотритель”) и Н.В. Гоголем (“Шинель”, “Записки сумасшедшего”), творчески, а порой полемически по отношению к традиции, переосмыслили Ф.М. Достоевский (Макар Девушкин, Голядкин, Мармеладов), А.Н. Островский (Бальзаминов, Кулигин), А.П. Чехов (Червяков из “Смерти чиновника”, герой “Толстого и тонкого”), М.А. Булгаков (Коротков из “Дьяволиады”), М.М. Зощенко и др. русские писатели XIX-XX вв.»⁸.

Как видно из приведённых формулировок, типичными базовыми критериями для определения «маленького человека» служат:

- низкое социальное положение
- бессилие, беспомощность, страх перед жизнью
- бунтарский порыв
- трагический исход
- сочувственное отношение автора к герою

При этом последний пункт нестабилен, иногда он опускается, иногда сформулирован шире (автор сочувствует бедам и жизненным коллизиям простых людей), следовательно, заслуживает отдельного внимания. В зависимости от трактовки, в категорию «маленьких людей» попадают либо люди определённого рода занятий (чиновники, художники), либо неопределённые «обычные люди», что сигнализирует о недостаточной логической упорядоченности процесса «отбора». Будучи сформированным на базе маленького

---

⁸ Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. Москва: Росмэн, 2006. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5130/%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 30.04.2018)

корпуса произведений XIX века, тип «маленького человека» не имеет чётко выверенной временной границы, согласно некоторым формулировкам, XX век «не предполагает такого героя», согласно некоторым – тип продолжает функционировать и в XX веке, литературная традиция только видоизменяет, творчески переосмысляет его, не избавляясь от него совсем. Однако далеко не все вышеуказанные пункты, характеризующие «маленького человека», применимы к прозе, допустим, М. Зощенко или М. Булгакова, которых часто указывают как создателей «маленького человека XX века». Тем не менее, внутренняя связь между рядом их героев и героями Гоголя действительно ощущается. Следовательно, необходимо глубже проанализировать смысловое ядро концепта, чтобы суметь ответить на вопрос о существовании или развитии темы «маленького человека» в литературе XX века. Предварительно не будем ограничивать тип XIX веком.

Еще один неизбежный (хоть для этой работы и второстепенный) вопрос звучит следующим образом: является ли тип «маленького человека» уникальным с точки зрения географической распространенности? Объявляется ли он исключительно в русскоязычной литературе? Посмотрим в «Краткую литературную энциклопедию», в которой «маленький человек» упомянут в контексте модернизма: «Излюбленный персонаж модернистов — это “маленький человек”, средний служащий: чиновник Грегор Замза в “Превращении” Кафки, маклер Блум в “Улиссе” Джойса, клерк Мерсо в “Постороннем” Камю, герои “Планетария” Саррот и т. д. Выбор на него падает потому, что он является лицом в высшей степени страдательным, <...> наиболее явной жертвой отчуждения и самоотчуждения. <...> Это — модель “антигероя”, модель человека вообще. Семья, государство, общество, профессия — для него внешние, непознаваемо-враждебные феномены, отлученные от его внутреннего состояния»⁹. Энциклопедии вторит писатель и журналист П. Вайль: «Маленький Человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. У малых явлений это вообще главное достоинство, своего рода гордость — как неделимость элементарных частиц. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего литературного Маленького Человека вышли разросшиеся до глобальных размеров и

---

⁹ Чернова И.Б. Модернизм // Краткая литературная энциклопедия, 1967. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke4/ke4-9043.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 30.04.2018)

вселенских обобщений герои Кафки, Беккета, Камю. Сделавший гигантский прыжок от еще «русских» персонажей “Дублинцев” Джойс применил наконец микроскоп, выведя на чужие дублинские улицы своего эпического Блума»¹⁰. При всей своей типичности, «маленькие люди» обладают своими «региональными» особенностями точно так же, как и особенностями временными. Воспринимать этот тип как явление исключительно русской литературы – значит намеренно его сужать. В этой работе я постараюсь учесть персонажей иностранных авторов при анализе типа «маленького человека».

Рассмотрим хронологическое развитие типа в рамках русской литературы. Возьмём за отправную точку посвящённой теме «маленького человека» отрывок из учебника для высших учебных заведений «Введение в литературоведение» И. Мурзак. Интересны, в первую очередь, признаки, определяющие, по мнению автора учебника, тип «маленького человека»: «”Повести Белкина” Пушкина, “Шинель” Гоголя, “Бедные люди” Достоевского, рассказы Чехова многопланово представляют тип “маленького человека”, художественно сформулируют характерологические признаки литературного типа: заурядная внешность, возраст от тридцати до пятидесяти лет, ограниченные бытийные возможности, убогость материального существования, конфликт героя с высокопоставленным лицом или обидчиком, крушение мечты всей жизни, стихийный бунт персонажа, трагический исход»¹¹. Довольно очевидна несоотнесенность указанных признаков даже с персонажами упомянутых повестей. «Признаки» в данном случае – набор сюжетных и описательных деталей из повести Гоголя «Шинель», соответственно, ограничены возможности их использования в качестве определяющих характеристик типа. В «Станционном смотрителе» мы не наблюдаем «крушения мечты», в «Бедных людях» - стихийного бунта, в ряде рассказов Чехова – трагического исхода. Мурзак продолжает: «”Маленький человек” становится доминирующим типом в “натуральной школе”. Л. Лотман писала, что “человек предстал у писателей “натуральной школы” слепком социальной формы, искажающей человеческую природу”. Дальнейшая эволюция литературного типа “маленького человека” связана с перенесением акцентов, по словам Бахтина, “со среды на человека”. Уже в раннем произведении “Бедные люди” Достоевский основное внимание концентрирует на духовном мире героя <...> Герои Достоевского обречённо проповедуют жизненное смирение, что приводит их к

---

¹⁰ Вайль П.Л. Fin de siècle и Маленький Человек, 1992. Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/44301> (дата обращения: 30.04.2018)

¹¹ Мурзак И.И. Введение в литературоведение. Учебник для вузов. Москва: Оникс, 2007. Режим доступа: https://a4format.ru/pdf_files_slovari/4b98c46c.pdf (дата обращения: 30.04.2018)

гибели»¹². На мой взгляд, тема «маленького человека» изначально предполагает фокусировку именно на человеке, в то время как значение среды было неправомерно преувеличено советской критикой, для которой сделать упор на социум как на формирующую силу было единственным способом включить Гоголя а литературный «пантеон», отвечающий идеологическому вектору. Впоследствии эти взгляды были переняты без должного переосмысления и таким образом остались в литературоведении в виде налёта, искажающего формулировку типа «маленького человека» и затрудняющего работу с ним. В то же время «смирение», которое упоминается в учебнике, гораздо лучше подходит на роль характеризующего качества, так как проявляется в подавляющем большинстве представителей типа. Автор учебника, разбирая авторов, способствовавших созданию типа, движется по хронологической оси. Обратим внимание на следующую цитату: «Чехов не выражает сострадания к “маленькому человеку”, а показывает действительную “малость” его души. В рассказе “Смерть чиновника” изучается проблема добровольности взятых человеком социальных обязательств. Разрешается она в гротескном ключе. Червяков умирает не как “униженный и оскорблённый” человек, а как чиновник, от страха утративший своё естественное обличие. Чехов всем своим творчеством доказывал, что человек не должен подвёрстывать свои потенции под дозволенные социумом границы. Духовные потребности личности обязаны восторжествовать над пошлостью и ничтожеством: “Человеку нужно не три аршина земли, а весь земной шар”. Замкнутость “футлярной жизни”, настаивает писатель, пагубна»¹³. Отношение автора к «маленькому человеку» - задача для отдельного исследования, так как даже после тщательного чтения, допустим, «Петербургских повестей» Гоголя, совершенно не очевидно, до какой степени писатель сочувствует созданному им персонажу. Но необходимо подчеркнуть два использованных в отрывке слова: «страх» и «пошлость». Первое отсылает нас к чувству, повсюду сопровождающее «маленького человека», так как «маленький человек» боязлив по своей природе (отмечу, что враждебность социума страшит его зачастую более других вещей). Второе исчерпывающе описывает мир, в котором «маленький человек» обитает – мир заурядности, мещанства, конформизма и социальных конвенций. Далее: «Ф. Сологуб, М. Булгаков представят в своих сатирических произведениях уже устрашающий тип “мелкого беса”, где “торжествующая пошлость” будет доведена до

---

¹² Там же

¹³ Там же

образа-символа»¹⁴. Из этой цитаты мы понимаем две ключевые вещи: в двадцатом веке тип «маленького человека» не вымрет, а продолжит появляться в литературе, при этом тип будет претерпевать изменения, что ожидаемо. Однако для того, чтобы определить круг авторов, чьих персонажей можно классифицировать как «маленьких людей», необходимо пересмотреть существующие размытые формулировки понятия и обнаружить общий знаменатель, который позволит диагностировать «малость» человека в каждом конкретном случае.

Теперь последовательно рассмотрим несколько конкретных черт, приписываемых «маленькому человеку». Первой такой чертой будет бунтарство (если точнее, ситуационное бунтарство). Бунтарство отсылает нас в первую очередь к романтическому герою, поэтому сравнивать «маленького человека» я буду вначале с ним. Противопоставление «маленького человека» и романтического героя выглядит вполне закономерным: на одной стороне титан, отвергающий несовершенство мира и восстающий против него, на другой – безвольный, слабый, угнетенный и забитый человек. И все-таки, подумав, можно обнаружить определенное сходство – отталкиваясь от этого сходства, можно сформулировать и различия. Сейчас мы говорим о Гоголе и его «Петербургских повестях». «Маленький человек», каким бы бессильным он ни был, в определённый момент становится противовесом, не миру, но мирку – непрезентабельному, ничтожному мирку, в котором ему приходится существовать. Как винтик системы, выведенный из строя непредвиденной внешней ситуацией (по мифологически приходящей извне), «маленький человек» некоторое время контрастирует (т.е. конфликтует) с устоявшимся миропорядком. По словам литературоведа С. Бочарова, «В каждой петербургской повести <...> есть кто-то один, кто ощущает себя исключённым из общей нормы, пропадает и гибнет»¹⁵. Важно отметить, что исключённым из общей нормы герой ощущает себя не постоянно, изначально он функционирует и чувствует себя органично. Но потом происходит нечто, что выделяет его из массы, одновременно отделяя (как правило, формирование мечты). В этот момент масса становится массовой, а конкретный персонаж – «маленьким человеком». Употребление слова «бунт», по моему мнению, здесь некорректно, так как бунт инициируется изнутри, тогда как конфликт провоцируют обстоятельства. В случае «Шинели» это конфликт главного героя с играемой им и предписанной ему ролью,

---

¹⁴ Там же

¹⁵ Бочаров С.Г. Петербургские повести Гоголя // Гоголь Н.В. Петербургские повести. Москва: Правда, 1981, с.5

попытка вытянуться во весь рост, привнести в свою жизнь определённую идею (пусть и представшую в заурядном обличье), а это уже игра не по правилам. Непосредственно после ограбления – конфликт с полумифическим обидчиком. В широком смысле, это опять же конфликт с навязанной ролью молчаливого агнца. «Невский проспект» можно рассматривать как конфликт со стереотипами любви (кто достоин её, а кто нет, кому должно поклоняться, кем должно брезговать). Замечу, что поведение Пискарёва считалось бы совершенно адекватным, если бы он избрал социально одобряемый объект поклонения. Снова конфликт с ролью, в рамках которой художнику пристало любить музу во плоти, одну из петербургских красавиц, может быть, самую недостижимую из них. «Бунт» — это случайный порыв поставить под сомнение нормальность и однозначность реальности. «Маленькому человеку» и эту попытку можно засчитать за достижение, ведь настоящий, личный внутренний протест – прерогатива совсем другого типа. «Маленький человек» все равно однажды смирится, за шагом вперед последуют два шага назад – как неизбежность. Предопределенность неуспеха – один из сюжетообразующих элементов. Зачастую в финале нас ждет смерть главного героя. А. Аникин трактует этот факт в богоцентрическом ключе: «И вновь мы возвращаемся к тому, что "маленький человек" - герой смерти, а не жизни: жизнь однообразна и низка; страдания и унижения неизбежны, и это путь к Богу; смерть - не только разрешение неразрешимых узлов, но и последнее приближение к Христу»¹⁶. Справедливость подобной трактовки можно поставить под сомнение, потому как согласиться с ней – значит неумеренно расширить круг персонажей, которые могут соответствовать данной теме (ведь конфронтация с Богом делает маленьким любого персонажа, который существование Бога допускает). Тем не менее, основной посыл («маленький человек» - герой смерти, а не жизни) представляется исключительно метким. Предварять ее может сумасшествие (как, например, в булгаковской «Дьяволиаде»), однако сути дела это не меняет – миропорядок, система всегда оказывается сильнее единицы. Это и проблематика произведений, где действует «маленький человек», и корень их трагичности. При этом отмечу, что «маленький человек» в каждом отдельном произведении, как правило, единичен и является его фокусной точкой, пространство произведения не бывает сплошь заселено «маленькими людьми». Ставить знак равенства между «маленьким» и рядовым человеком ошибочно. Равно ошибочно ставить знак равенства между «маленьким человеком» и мятежником. Вина за преувеличенное

---

¹⁶ Аникин А.А. Тема маленького человека в русской литературе. Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/37140.php?ELEMENT_ID=37140 (дата обращения: 30.04.2018)

«романтизирование» «маленького человека», пожалуй, лежит на критике, как предреволюционной, так и советской; как верно заметил П. Вайль: «все дело в том, что русская литература внесла своего излюбленного героя в систему нравственных оценок — где Акакий Акакиевич именно что оказался выше Юлия Цезаря. И только по одной причине: Акакию Акакиевичу не дали стать Юлием Цезарем внешние силы, среда. Все дело в том, что русская литература — следуя романтической традиции, почему-то названной в приложении к социально ничтожному герою реализмом, — придумала Маленькому Человеку несбывшееся великое будущее»¹⁷.

Теперь обратим внимание на систему и место в ней «маленького человека». Часто персонажам этого типа приходится определенным образом взаимодействовать с целостной (зачастую безличной) структурой – будь то департамент, армия, школа, Главная Центральная База Спичечных Материалов или государство как таковое. Какую стратегию взаимодействия выбирает наш литературный тип? Как правило, это стратегия локального эскапизма. Самоустраниться от всего в принципе – задача для живого человека невозможная, однако можно поступить следующим образом: найти себе в закоулках системы темный затхлый уголок и обустроить его по своему вкусу. «Маленькие люди» обыкновенно бывают однофункциональны, узкопрофильны, они выбирают себе одно дело (Дело с большой буквы) и верно ему служат, потому что патологически боятся новизны и перемен (классический пример – Башмачкин). «Маленький человек» практически лишен любопытства, а уж тем более инициативы, его наипервейшая заповедь озвучена героем платоновского «Ювенильного моря» товарищем Умрищевым: «Не суйся!». Бывает и так, что «маленький человек» приобретает влияние. Рассмотрим пример М. Эпштейна: «Маленький, робкий, жалкий Беликов, который постоянно боится “как бы чего не вышло”, приобретает магическую власть над городом. “...Этот человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город <...>»¹⁸. Но удовольствие от обладания властью не может перечеркнуть, пересилить более стойкого ощущения – ощущения страха. Из той же статьи Эпштейна: «Это “преклоняющее на жалость” — башмачкинское в Беликове: любобязненным трудно приходится в этой

---

¹⁷ Вайль П.Л. Fin de siècle и Маленький Человек, 1992. Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/44301> (дата обращения: 30.04.2018)

¹⁸ Эпштейн М.Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы, №6, 2005. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/ep7.html> (дата обращения: 30.04.2018)

жизни, и даже когда они сами внушают страх, они не перестают бояться»¹⁹. Система в произведениях девятнадцатого века уже окружает «маленького человека», но еще не грозит его раздавить. Вполне логично, что ситуация усугубится в двадцатом веке, когда человек лицом к лицу встретится с тоталитарным режимом, и конфликт единицы и системы пойдет на качественно новый виток.

От обезличенных структур перейдем к более конкретной – социальной. Никакой персонаж не может быть выявлен, «кристаллизован» вне социальной «среды обитания». Поэтому и взаимодействие «маленьких людей» с их окружением представляет для нас безусловный интерес. Самый яркий «минималист» в этой сфере – Акакий Акакиевич Башмачкин, но и он не может избежать интеракций с другими людьми. Примечательно, что напряжение, сопровождающее это взаимодействие, пока еще не так высоко: Акикий Акакиевич, зажатый в тиски долговременного эскапизма с одной стороны и глубоко потаенного желания интегрироваться в общество с другой, весьма пассивно проживает собственную неспособность выбрать одну стратегию из этих двух. Настоящую остроту вышеозначенный конфликт приобретает у Достоевского, чьи герои не просто осознают эту собственную «раздвоенность», но и намеренно гиперболизируют её, как мыслями, так и действиями (как, например, главный герой «Записок из подполья» во время инцидента со школьными товарищами). «Маленький человек» в данном контексте явственно обнаруживает мазохистские черты. Возвращаясь к Гоголю и вспоминая других персонажей «Петербургских повестей» (Чартков, Ковалев), можно заметить их настойчивое желание возвыситься, в действительности или хотя бы на словах, окружение для них – возможность для упомянутого возвышения (субъект-объектные отношения) и одновременно оценивающий коллективный субъект, только за счет которого признание возможно в принципе. «Маленький человек» как гоголевского, так и достоевского подтипа слаб, эгоистичен и погружен в себя, отсюда следует, что глубокие человеческие (субъект-субъектные) отношения ему недоступны – другие люди выступают как средство удовлетворения своих потребностей. Потребности могут быть как базово-социальные, так и специализированные, характерно использование другого человека в качестве спасательного круга (Варенька для Макара Деушкина) или же подспорья для выполнения тех или иных задач (в частности, для того, чтобы приблизиться к общечеловеческой «нормальности»). Общество как целое вызывает явно или неявно выраженный страх в сочетании с пиететом. Мир вещей с этой точки зрения

---

¹⁹ Там же

представляется более надежным, устойчивым, «не оценивающим», а потому не пугающим. «Маленькому человеку», таким образом, свойственна инфантильность и желание избежать ответственности за своё социальное «я».

Логично продолжить тему вопросом о социальном положении «маленького человека». Многие формулировки содержат тезис о том, что социальный статус «маленького человека» априори низок. По этому поводу Ю. Шигарова пишет в предисловии к «Повестям» Гоголя: «Акакий Акакиевич служит титулярным советником, то есть чиновником девятого класса (а всего их было четырнадцать). Следующий, восьмой класс – коллежский асессор – давал право на потомственное дворянство. Пушкин после окончания Царскосельского Лицея служил чиновником всего лишь одиннадцатого класса, то есть на два класса ниже Акакия Акакиевича»²⁰. Аналогичный чин имел, к примеру, Максим Максимыч из «Героя нашего времени» Лермонтова, которого А. Аникин решительно ставит в ряд «маленьких людей» (штабс-капитан, согласно табелю о рангах, также являлся девятым классом). Ковалев из повести «Нос» – коллежский асессор (восьмой класс), что ставит под сомнение классическое представление о «маленьком человеке» как о представителе низов иерархических структур. Тот же табель о рангах не даёт нам ясного ответа о социальном статусе ряда персонажей – художники Чартков и Пискарев, к примеру, стоят особняком от социальной вертикали. Да, пушкинский Вырин, станционный смотритель – «мученик четырнадцатого класса» (возможно, он и дал толчок интерпретации, согласно которой формальное социальное положение в первую очередь характеризует «маленького человека»). Однако Евгений из пушкинского «Медного всадника» «где-то служит», что не даёт нам основы для умозаключений. Главный герой «Записок из подполья» Достоевского, послужив, увольняется (и не только со службы, но и в определенном смысле из жизни). Беликов из «Человека в футляре» Чехова – учитель, то есть снова не попадает в чёткую классификацию. К тому же, данный персонаж пользуется нетипичным для «маленького человека» влиянием на общество (правда, общество небольшое и провинциальное). Таким образом, официальное положение «маленького человека» в социальной иерархии не априори низкое, как мы могли бы предполагать, и вряд ли является для «маленького человека» критерием определяющим. С другой стороны, «маленьких людей» объединяет фактор подчинённости (как фактической, так

---

²⁰ Шигарова Ю.В. Предисловие // Гоголь Н.В. Повести. Москва: Ника, 2014, с.7

и психологической) – над ними неизбежно стоят государственные структуры, нормы морали, общественные конвенции, которые и контролируют их функционирование в социуме.

Вне зависимости от степени включённости, вовлечённости в общество, «маленькие люди» внутренне одиноки, прослеживается неспособность персонажей разделить с кем-либо свои внутренние переживания (если исходить из наличия у них таковых). «Маленький человек» Гоголя, к примеру, представляется читателю загадкой именно потому, что никакие глубинные переживания открыто не выражены, не сообщены другому персонажу, не открыты рассказчиком, и даже создаётся ощущение, что доступа к ним нет у самого «маленького человека». Сжившись со своей оболочкой, он не задаётся вопросами о том, есть ли что-то под ней. По замечанию П. Вайля, «Но как слова “я человек маленький” произносятся с расчетом на прямо противоположное впечатление, так Маленький Человек в своей малости не признавался — да и не осознавал ее»²¹.

Любопытную мысль развивает в своём эссе А. Аникин, утверждая: «Еще одно важное состояние "маленького человека" - стремление уйти от греха, хотя и неизбежное вовлечение в грех, однако в грех, имеющий прощение»²². Примерами ему служат Вырин из «Станционного смотрителя» и Максим Максимыч из «Героя нашего времени» (грехом последнего, по мнению автора, является отношение штабс-капитана к горцам, его «ненависть и отвращение» к неверным). В сходном ключе рассуждает Л. Дмитриевская²³ об Акакии Акакиевиче – происшествие с шинелью интерпретируется не как стремление к идее, а как путь от аскетичности (то есть своеобразной формы святости) к мирскому и низкому (в конечном итоге – впадению в грех). Интересно, что роль черта-искусителя вменяется портному Петровичу. В общем и целом, нет причины опускать рассматриваемый критерий. Ни одного представителя категории «маленьких людей», пожалуй, не получится определить в разряд безгрешных (не пьянство, так гордыня, или алчность, или что-то еще), однако фокусироваться на этом аспекте несколько

---

²¹ Вайль П.Л. Fin de siècle и Маленький Человек, 1992. Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/44301> (дата обращения: 30.04.2018)

²² Аникин А.А. Тема маленького человека в русской литературе. Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/37140.php?ELEMENT_ID=37140 (дата обращения: 30.04.2018)

²³ Дмитриевская Л.Н. Новый взгляд на образ «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе, №4, 2009. Режим доступа: <http://www.mirfilologa.ru/index.php/articles/ruslit/19vek/50-novyj-vzglyad-na-obraz-malenkogo-cheloveka-v-povesti-nv-gogolya-shinel> (дата обращения: 30.04.2018)

безрассудно, так как литература, переступивши порог классицизма, вдумывалась в человека, представляла его как синтез разносортных качеств, а среди этих качеств были как положительные, так и отрицательные. Кто в таком случае избежал бы обвинений в греховности? Единственно князь Мышкин. Реалистичный же персонаж – еще более подходящая почва для исследования предосудительных сторон характера. Чем сильнее психологизировалась литература, тем больше темных оттенков она распознавала в человеческой природе, и «маленький человек» - лишь маленькая группа персонажей, включенная вместе со многими другими типами в общелитературную тенденцию. Другой вопрос, если мы рассматриваем коллизии «маленькочеловеческих» жизней в строгой привязке к христианскому вероучению, но выше уже были приведены доводы, в силу которых исследовать этот вопрос в предлагаемой работе видится нецелесообразным.

Вернёмся к теме отношений, связывающих автора с персонажем, и обратимся к словам писателя М. Шишкина, который, рассуждая о романной форме в литературе, формулирует следующую мысль: «Автор для героев — Бог. Читатель идентифицирует себя с героем. Если автор любит своего Акакия Акакиевича, которого и любить-то не за что, то и читатель чувствует, знает, что Бог — существует и любит его, хотя и не за что. Просто так. Как своего ребенка. Вот слова и нужны, чтобы вымостить дорогу к этому чувству»²⁴. Наблюдение спорное, но интересное. Даже если не принимать за данность неременную идентификацию читателя с героем, нельзя отрицать, что литературное произведение – это своеобразная призма, сквозь которую читатель начинает воспринимать мир (иными словами, он начинает смотреть «по-авторски»). И тезис Шишкина превосходно объясняет тот факт, что мы не чувствуем к «маленькому человеку» того неприятия, которое, вполне возможно, испытывали бы к реальному человеку с аналогичными характеристиками. Автор насыщает пространство особой, в известном смысле материнской любовью к созданному персонажу. Это тот фундамент, который обеспечивает существование «маленького человека», автор – гарант его экзистенции. При этом автор – а точнее, рассказчик – в большей мере наблюдатель, нежели обвинитель, защитник или судья. Сочувствие автора обездоленному и убогому: такой взгляд скорее исходил из потребности критиков и думающих людей эпохи найти в литературе подкрепление настроениям общества и сфокусироваться на актуальных

---

²⁴ Шишкин М.П. Язык – это оборона // Критическая масса, №2, 2005. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (дата обращения: 30.04.2018)

социальных проблемах. Однако эта интерпретация оказалась устойчивой и даже в современной критике несколько затемняет, обесценивает экзистенциальное измерение литературных произведений с участием «маленьких людей». В последующих двух главах этой проблеме будет уделено более пристальное внимание.

Вышерассмотренные аспекты позволяют нам сформулировать промежуточные выводы. Существующие формулировки типа «маленького человека» неудовлетворительны в силу своей разрозненности, в некоторых случаях определение слишком размыто и не позволяет отделить «маленького человека» от ряда других персонажей, в некоторых случаях определение избыточно сужено, потому как исходит из одного каноничного представителя типа. Отличительные признаки типа включают в себя преимущественно внешние характеристики персонажа и сюжетобразующие элементы, не связанные напрямую с описанием типа. На основе этих дефиниций персонажей разных авторов затруднительно объединить в один тип. Тем не менее, проблема может быть решена, если поднять вопрос о глубинной связи между представителями типа и рассматривать их не только в привязке к конкретному историческому контексту, но и в плоскости вневременных общечеловеческих проблем, таких как одиночество, самоидентификация и экзистенциальные страхи. На данном этапе предлагается альтернативный список признаков, характеризующих «маленького человека»:

- внешняя заурядность (непримечательность, усреднённость персонажа, отсутствие личностной уникальности, отсутствие харизмы)
- пассивность и инфантильность (неспособность персонажа к волевым действиям, неспособность к возражению и сопротивлению)
- подчинённость (фактическая и психологическая: осознание себя жертвой, конформизм)
- узкопрофильность деятельности, отсутствие любопытства и интереса к «внешнему» миру, простирающемуся за границами мира личного
- ограниченная способность к рефлексии, дистанцированность персонажа от собственного внутреннего мира (игнорирование или неприятие своего личностного ядра)
- неспособность к глубинному контакту с другим человеком, сведение социального взаимодействия к формальному/стереотипному поведению

Таким образом, данная работа предлагает рассматривать в качестве «маленьких людей» отдельных персонажей А.С. Пушкина («Медный всадник»), Н.В. Гоголя («Петербургские повести»), И.А. Гончарова («Обыкновенная история»), Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Записки из подполья»), М.А. Булгакова («Театральный роман»), а также ряд персонажей из рассказов А.П. Чехова, М.М. Зощенко, А.Т. Аверченко, Н.А. Лохвицкой (Тэффи). Список не включает произведения зарубежной литературы.

Далее в работе будут отдельно рассматриваться персонажи Гоголя и Платонова, и компаративный анализ будет выстроен с учетом принадлежности конкретных героев к тому или иному подтипу. Во второй главе будет более детально рассмотрен «гоголевский» подтип «маленького человека», в третьей – «платоновский» псевдоподтип. Параллельно будет шлифоваться форма и смысловое наполнение дефиниции «маленький человек», необходимость обновления которой и констатирует первая глава.

Глава 2.

«Маленький человек» и персонажи Н.В. Гоголя

В этой главе будет последовательно рассмотрен ряд интерпретаций гоголевских произведений с акцентом на «Петербургские повести». Логично будет начать с критики В.Г. Белинского. Первое, что может удивить в интерпретации Белинского – его восприятие Гоголя как поэта, а не прозаика. Безусловно, это не подразумевает формальный аспект творчества, скорее говорит об отношении Гоголя к изображаемому миру: мир – не объект для описания, а субъективное переживание. В статье «О русских повестях и повестях г. Гоголя» мы читаем: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной»²⁵. Опуская первые перечисленные признаки, сосредоточимся на «поэтичности». Справедливо это в первую очередь с точки зрения ракурса и, пользуясь терминологическим аппаратом фотографии, фокусного расстояния в повестях Гоголя (особенно петербургских). Читатель приближается к герою настолько, что может рассмотреть его с очень близкого расстояния и, что немаловажно, явно выхваченным из толпы персонажей, его окружающей. Мы проживаем жизнь вблизи героя, но близок он нам становится как бы в силу привычки скорее, нежели в силу общей своей реалистичности или нашего отождествления с ним. Читатель привыкает к нему, не проникаясь им. «Не знакомитесь ли вы с каждым персонажем его повести так коротко, как будто вы его давно знали, долго жили с ним вместе? Не дополняете ли вы своим воображением его портрета и без того уже нарисованного автором во весь рост?»²⁶. Поэзия – в большей субъективности, поэзия – в «коротости» автора с созданным, поэзия – в меньшей «регулировке» произведения, в неподчинении сюжета рамкам, а смысла – сюжету. Повестям Гоголя вправду свойственна определённая «непричёсанность», поэтическая небрежность в обхождении с выработанными прозаическими канонами, сочность деталей и пристальность в работе с ними (Невский проспект – лучший тому пример), а главное – привнесение смутного метафизического ареола в повседневные

---

²⁵ Белинский В.Г. О русских классиках. Москва: Художественная литература, 1979, с.237

²⁶ Там же

анекдоты (это смещение акцента на чувственное, эмоциональное, невещественное, экзистенциальное типично прежде всего для поэзии и труднодостижимо в прозе). Это балансирование на подступах к экзистенциальной пропасти хорошо сочетается в прозе Гоголя как с реалистическими, так и с фантастическими элементами, данная комбинация полновесна и исключает «одномерное» восприятие повести как сказки. Центром этого конгломерата неизменно является конкретный человек. Белинский пишет: «Возьмите “Записки сумасшедшего”, этот уродливый гротеск, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмешку над жизнью и человеком, жалкою жизнью, жалким человеком, эту карикатуру, в которой такая бездна поэзии, такая бездна философии, эту психическую историю болезни, изложенную в поэтической форме, удивительную по своей истине и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит и возбуждает сострадание»²⁷. Чётко выверенные пропорции комического и трагического – именно это роднит повести Гоголя с жизнью в самом полном её представлении. Повести – но не их героев в отдельности. Потому как они отгорожены от пресловутой экзистенциальной пропасти прослойкой повседневных забот и быта: «В “Старосветских помещиках” вы видите людей пустых, ничтожных и жалких, но по крайней мере добрых и радушных; их взаимная любовь основана на одной привычке: но ведь и привычка все же человеческое чувство, но ведь всякая любовь, всякая привязанность, на чем бы она ни основывалась, достойна участия, следовательно еще понятно, почему вы жалеете об этих стариках <...> Отчего же так привязывают вас к себе эти люди, добродушные, но ограниченные, даже и не подозревающие, что может существовать сфера жизни, высшая той, в которой они живут и которая вся состоит в спанье или в потчеванье и кушании? Оттого, что это были люди, по своей натуре неспособные ни к какому злу»²⁸. Много было сказано о том, что в определённых произведениях Гоголя нет ни одного положительного героя, однако, если присмотреться к ряду повестей, можно заметить, что отрицательных героев там тоже нет. Чем плох майор Ковалёв? Поручик Пирогов? Или даже очень важное лицо, отчитавшее Башмачкина (в некотором роде раскаявшееся под конец)? Всюду понемножку отталкивающего: самовлюблённость, наглость, заносчивость, честолюбие, заурядность, однако кого из этих персонажей будет справедливо назвать отрицательным? «Если г. Гоголь часто и с умыслом подшучивает над своими героями, то без злобы, без ненависти;

---

²⁷ Белинский В.Г. О русских классиках. Москва: Художественная литература, 1979, с. 248

²⁸ Там же, с. 273

он понимает их ничтожность, но не сердится на нее; он даже как будто любит ее, как любит взрослый человек на игры детей, которые для него смешны своею наивностью, но которых он не имеет желания разделить. Но тем не менее это все-таки гумор, ибо не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение. Это гумор спокойный и, может быть, тем скорее достигающий своей цели. И вот, замечу мимоходом, вот настоящая нравственность такого рода сочинений. Здесь автор не позволяет себе никаких сентенций, никаких нравоучений; он только рисует вещи так, как они есть, и ему дела нет до того, каковы они, и он рисует их без всякой цели, из одного удовольствия рисовать»²⁹. Белинский верно замечает, что отказ от морализаторства только украшает гоголевские повести, добавляя им в человечности и правдивости. В каждом персонаже сквозит человек – маленький, несовершенный, негероический, ведомый, играющий по правилам, сложившимся в обществе, но в этом и заключается его «малочеловечность». Не столько «неспособность ни к какому злу» характеризует их, сколько устойчивое промежуточное положение между добром и злом. Волевая заторможенность, им свойственная, просто не предполагает экстремумов. «Маленькому человеку» не дано силы и мужества вершить ни зло, ни добро, он подобен куску глины, из которой могло бы выйти что угодно (чудовищное ровно так же, как и прекрасное), тем не менее время идёт, и глина ссыхается на ветру, оставаясь бесформенным куском. Белинский делает упор на сочувственную связь читателя и героя, тем самым (несколько неправомерно, на мой взгляд) возвышая читателя над «маленьким человеком»: «Заставить нас принять живейшее участие в ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, насмешить нас до слез глупостями, ничтожностью и юродством этих живых пасквилей на человечество — это удивительно; но заставить нас потом пожалеть об этих идиотах, пожалеть от всей души, заставить нас расстаться с ними с каким-то глубоко грустным чувством, заставить нас воскликнуть вместе с собою: “Скучно на этом свете, господа!” — вот, вот оно, то божественное искусство, которое называется творчеством»³⁰. Безусловно, образы в повестях зачастую утрированы и гиперболизированы, однако читателю не стоит забывать, как много в «маленьком человеке» нас и как много в нас «маленького человека». Этот тип персонажа, может быть, не заслуживает клейма «ничтожество», но заслуживает жалости как заслуживает жалости человек, попавший в пожизненное рабство: тенёта мещанства или капкан служебной иерархии – всё это территория

---

²⁹ Там же

³⁰ Там же

«несвободоволия», на которой «маленький человек» родился, вырос и умрёт. На этом базируется главный контраст с романтическим героем, чей бунт, хоть бы и был обречён на неудачу, исходит из внутреннего порыва, или же базируется на сгустке имманентных ему страстей (врождённых и неотъемлемых). Это случай Тараса Бульбы: «Тарас Бульба является у него представителем этой жизни, идеи этого народа, апотеозом этого широкого размаха души»³¹. В то же время «маленький человек» — это апологет ритуала. Привычка, монотонность, предсказуемость — всё это родная среда для «маленьких людей», и, оставшись в рамках экспозиции, они смотрятся весьма органично. Вспомним Ковалёва из повести «Нос» и то, с какой лёгкостью он встраивается обратно в привычную ему жизнь, игнорируя, вытесняя из сознания только что приключившийся фантазмагорический инцидент. Белинский, говоря об этом, оперирует понятиями «положения» и «отрицания» жизни (где жизнь — экзистенциальное начало, а не быт). Герой, согласно этой трактовке, выступает скорее медиумом, проводником для читателя, нежели представителем одного из этих понятий. «Отсюда являются две стороны жизни — действительная, или разумная действительность как положение жизни и призрачная действительность как отрицание жизни. <...> Вы возвышаетесь духом и предаётесь глубокой и важной думе, читая “Тараса Бульбу”, вы смеётесь и хохочете, читая курьёзную “Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”»: отчего эта противоположность впечатления от двух произведений одного и того же художника? — От сущности действительности, воссозданной в том и другом, оттого что первое изображает положение жизни, другое — её отрицание»³². По этой же причине гоголевский смех легендарно грустен и горек, так как исходит из неприятия (т.е. отрицания). Даже о «Мёртвых душах» Белинский высказывался в следующем ключе: «Мы не видим в ней ничего шуточного и смешного: ни в одном слове автора не заметили мы намерения смешить читателя: всё серьёзно, спокойно, истинно и глубоко...»³³. Истинность в смехе и горечи, истинность в двойственности нашей жизни (глубоко идущее корнями противопоставление духовного и телесного, вечного и ежеминутного) — вот характерный признак гоголевского литературного наследия.

Перейдём к интерпретации Н. Добролюбова. Цитируемая статья «Забитые люди» посвящена в первую очередь Достоевскому, но и Гоголь в ней упомянут, и я считаю

---

³¹ Белинский В.Г. О русских классиках. Москва: Художественная литература, 1979, с. 260

³² Там же

³³ Там же, с. 310

неверным обходить стороной этот небольшой критический отрывок: «Только Гоголь, да и то не вдруг, вносит в нашу литературу гуманический элемент: в “Старосветских помещиках” выразился он уже очень ясно, но, как видно, важность его не вполне оценил тогда сам Гоголь: по крайней мере “Ревизор” обработан в этом отношении довольно слабо, что и подало повод некоторым называть всю комедию фарсом и все лица – карикатурами. Но чем далее, тем сильнее выказывалась у Гоголя гуманическая сторона его таланта, и даже вопреки своей воле, в ожидании светлых и чистых идеалов, он все изображал своим могучим словом “бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни”»³⁴. В этом отрывке, на мой взгляд, хорошо акцентируется разница между «человечными» и «карикатурными» произведениями Гоголя. В петербургских повестях (наравне со «Старосветскими помещиками») читателю даётся больше материала для анализа и «проживания», горечь, смешанная с непониманием, тягостность, смешанная с жалостью, брезгливость, смешанная с удивлением – всё это превалирует над комичностью, как бы искусно она не была вплетена в повествование. «Ревизор», «Женитьба», «Игроки» изящны, цельны и легки для восприятия, «Вечера на хуторе» красочны, полуфольклорны, хохотливы, но «Петербургские повести» - метафизичны и трудны. И потому первостепенны для исследования. Добролюбов, наравне с Белинским, подчёркивает неоднозначность, нелинейность персонажей (что напрямую связано с вышеуказанной «гуманичностью», которая более искренность и любопытство к человеческой натуре, нежели сентиментальная жалость): «Но вот в том-то и заслуга художника: он открывает, что слепой-то не совсем слеп; он находит в глупом-то человеке проблески самого ясного здравого смысла; в забитом, потерянном, обезличенном человеке он отыскивает и показывает нам живые, никогда незаглушимые стремления и потребности человеческой природы, вынимает в самой глубине души запрященный протест личности против внешнего, насильственного давления и представляет его на наш суд и сочувствие. Такие открытия делает нам Гоголь в некоторых повестях своих; то же, только в несколько затейливой форме, находим мы в “Бедных людях” г. Достоевского и отчасти в других его повестях»³⁵. Принципиальное же отличие героев Гоголя от героев Достоевского – в непроницаемости. Мы не можем определить, высчитать, наглядно увидеть и обстоятельно доказать наличие в герое

---

³⁴ Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. Москва: Наука, 1970. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0200.shtml (дата обращения: 30.04.2018)

³⁵ Там же

«незаглушимых стремлений», как позже скажет Розанов, Гоголь «остаётся тёмным»³⁶. В то время как герои Достоевского (во всяком случае, те, которым пристало определение «маленького человека») не в пример «прозрачнее» своих литературных предков, мы следим за их глубинными мыслями, а не поверхностной мыслительной реакцией на события, соответственно, душа, «сокровенный человек» в человеке выражен весьма эксплицитно, и способность героев Достоевского к вдумчивой рефлексии не ставится под сомнение.

Теперь обратим внимание на интерпретацию В. Шкловского. Шкловский начинает с того, как перед Гоголем блекнет петербургский миф: «Гоголевский Петербург — город, увиденный провинциалом, которому долго пришлось искать дешёвую квартиру <...> Он искал блестящий Петербург молодого Евгения Онегина, Петербург Пушкина, но печально написал матери про этот город: “Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их”»³⁷. «Бездельный», «ничтожный», «бесплодный» - полезно увидеть, в какой атмосфере (в каком настроении ума и сердца) Гоголь возьмётся за изображение этой неожиданной, новой для него жизни. Но эта новая среда не столько отталкивает Гоголя, сколько подталкивает к попытке её понять. Гоголевская наблюдательность напоминает деятельность разведки, ещё не улетучилась надежда на интеграцию, следовательно, объект (петербургские реалии) можно и нужно изучать и анализировать, в то же время самовосприятие автора ещё не устоялось, ещё не довлеет над ним сознание собственной миссии, а это является залогом «неморализаторского» подхода к созданию художественного произведения. Шкловский далее разбирает «Невский проспект»: «В основе повести лежит сопоставление истории Пискарева и Пирогова. Этот параллелизм выражает одну из идей повести — мысль о том, что в ту эпоху пошлость торжествовала, что она неуязвима»³⁸. Эта интерпретация, при всей своей схематичности, в основе своей верна. «Пошлость», мещанское, суетное неуязвимо (или мнимо неуязвимо) в силу своей безопасности.

---

³⁶ Розанов В.В. Загадки Гоголя // Русское слово, №58, 60, 1909. Режим доступа: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_zagadki_gogola.html (дата обращения: 30.04.2018)

³⁷ Шкловский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы // Шкловский В.Б. Избранное: в 2-х томах. Том 1. Москва: Художественная литература, 1983. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html> (дата обращения: 30.04.2018)

³⁸ Там же

Оттого «маленькие люди» и склонны выбирать это мирское, эту пошлость, так как только в рамках данной стратегии они способны функционировать, будучи надёжно защищены от противоречий собственной души и чувства экзистенциального одиночества. Тезис Шкловского о том, что люди «хотят выйти из круга своего ограниченного существования хотя бы в мечте, которая является протестом против богатых и знатных»³⁹, имеет сомнительную ценность. Выйти из пресловутого круга они гораздо более боятся, нежели хотят, а мифический протест против богатых и знатных и вовсе появился буквально из ничего: кто из героев гоголевских повестей имелся в виду? Чартков ли с его страстями? Ковалёв с орденами? Башмачкин с мыслью о «кунице на воротник»? «Этот протест выражен в «Шинели» в лирических отступлениях и в превращении Акакия Акакиевича в грозный призрак, сдирающий одежду с богачей»⁴⁰. «Маленький человек» не тяготеет к концепту справедливости по причине врождённой ему пассивности. Иерархия есть, и с ней должно смириться. В глазах советского критика правда зачастую по умолчанию находится на стороне персонажа-жертвы, особенно жертвы социума. Но эта презумпция заключает в себе риск неправомерного «облагораживания» персонажа. И Шкловский это понимает: «Акакий Акакиевич — человек без мечты, без судьбы. В его жизни ничего не случается. Если бы у Акакия Акакиевича не отняли шинель, то он бы истер ее и умер, так сказать, не дав возможности для своего художественного воплощения»⁴¹. Оптимально сформулирована следующая мысль: «Право на человеческое существование имеют не отдельные люди, а все. Каждый человек заключает в себе возможность преодолевания, если не преодоления великих конфликтов»⁴², ключевое слово здесь – возможность. «Маленький человек» - вечный носитель предполагаемого потенциала, который так и не будет обнаружен или доказан. И таких людей много. Но описывается всегда один атом. И для этого необходимо на этот конкретный атом навести микроскоп: «Именем Акакия Акакиевича он выделял героя из толпы титулярных советников, из их тяжелого, слитного, неразличаемого быта /.../ Надо было ввести фигуру Акакия Акакиевича, ее оконтурить, показать, что не все существующее, — а значит, и не все имена, напечатанные в святцах, — разумно»⁴³.

---

³⁹ Там же

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же

⁴² Там же

⁴³ Там же

Рассмотрим классическую советскую интерпретацию. Как уже было упомянуто, советская идеология наложила слишком глубокий отпечаток на большинство наук, и на литературоведение в частности, что делает большинство литературоведческих материалов, изданных внутри страны, малопригодными для использования. Тем не менее, мы рассмотрим типичную для советской эпохи формулировку, чтобы увидеть источник «искривлённого» восприятия Гоголя. Выдержки из книги М. Храпченко «Творчество Гоголя» 1953-го года: «Важнейшая тема, которую освещал Гоголь в петербургских повестях, — это тема “маленьких” людей. Она неразрывно связана с раскрытием тех острых социальных коллизий, которые характеризовали общественную действительность эпохи. <...> Важнейшей стороной этого обличения было изображение судеб принижённых, обездоленных людей. Образ “маленького” человека в его отталкиваниях и притяжениях с миром “власть имущих” писатель замечательно нарисовал в “Записках сумасшедшего”»⁴⁴. Невооружённым взглядом заметно, как смещаются акценты с внутреннего мира персонажа и его личного, индивидуального взаимодействия с окружающим его мирком, на среду, «общественную действительность эпохи», словом – на бытие, которое определяет сознание. Люди-жертвы, люди-пешки, трактуемые как простые элементы плохо функционирующей системы, подчинённой «власть имущим», теряют остатки индивидуальных черт и окончательно обезличиваются в советской интерпретации.

Принципиально иначе интерпретирована та же «Шинель» В. Набоковым в его «Лекциях по русской литературе». Набоков вводит понятие «абсурд», уточняя при этом, что не имеет в виду «ни причудливое, ни комическое. У абсурдного столько же оттенков и степеней, сколько у трагического, — более того, у Гоголя оно граничит с трагическим. Было бы неправильно утверждать, будто Гоголь ставит своих персонажей в абсурдные положения. Вы не можете поставить человека в абсурдное положение, если весь мир, в котором он живет, абсурден»⁴⁵. В этом контексте все произведение видится как своего рода противостояние будничного, земного, адекватного и нереального, запредельного. Проводником, связующим элементом в этой системе является как раз «маленький человек», чья «малость» мнима и призрачна, чья роль внезапно приобретает невероятное значение. Какое значение, а лучше даже – какую функцию может иметь человек в перевернутом и переверошенном мире абсурда? Функцию лакмусовой бумажки. Этот маленький, нелепый человек является мерой всему, происходящему вокруг, по словам

---

⁴⁴ Храпченко М.Б. Творчество Гоголя. Москва: Советский писатель, 1959, с. 205

⁴⁵ Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Москва: Азбука, 2012, с.52

Набокова, он «олицетворяет дух этого тайного, но подлинного мира, который прорывается сквозь стиль Гоголя. Он, этот робкий маленький чиновник, — призрак, гость из каких-то трагических глубин, который ненароком принял личину мелкого чиновника»⁴⁶. Далее Набоков добавляет: «Русские прогрессивные критики почувствовали в нем образ человека угнетенного, униженного, и вся повесть поразила их своим социальным обличением. Но повесть гораздо значительнее этого. Провалы и зияния в ткани гоголевского стиля соответствуют разрывам в ткани самой жизни. Что-то очень дурно устроено в мире, а люди — просто тихо помешанные, они стремятся к цели, которая кажется им очень важной, в то время как абсурдно-логическая сила удерживает их за никому не нужными занятиями — вот истинная “идея” повести»⁴⁷. Иррациональное начало, символизируемое главным героем, заставляет нас иначе взглянуть на всю окружающую его реальность — как на декорации, качественно сделанные, но декорации. В конечном итоге это утверждение реальности условностью и фальшью. Не будь у нас «проводника» в мир закулисья, художественное пространство так и осталось бы для нас одномерным. Эта интерпретация гоголецентрична, соответственно, ограничены возможности для её использования при работе с другими подтипами, но не привести ее было бы большим упущением, так как из всех «маленьких людей» Акакий Акакиевич Башмачкин является, пожалуй, самым каноничным. К тому же, интерпретация Набокова видится мне сфокусированной (предельно сосредоточенной на особенностях конкретного произведения вместо философствования в общем ключе), самоценной и самой глубокой интерпретацией из тех, что возможны «на ощупь».

Далее обратим внимание на тезис, сформулированный Ю. Тыняновым в статье «Достоевский и Гоголь»: «Основной прием Гоголя в живописании людей - прием маски»⁴⁸. Далее автор поясняет: «“Характеры”, “типы” Гоголя - и суть маски, резко определенные, не испытывающие никаких “переломов” или “развитий”. Один и тот же мотив проходит через все движения и действия героя - творчество Гоголя лейтмотивно. Маски могут быть и недвижимыми, “заплывшими” - Плюшкин, Манилов, Собакевич»⁴⁹; «Маской может служить, прежде всего, одежда, костюм (важное значение одежды у

---

⁴⁶ Там же

⁴⁷ Там же

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tynjnow_j_n/text_01015.shtml (дата обращения: 30.04.2018)

Гоголя при описании наружности), маской может служить и подчеркнутая наружность. Вещная маска может сломаться — это общий контур сюжета (“Нос”). Маска одинаково вещна и призрачна; Акакий Акакиевич легко и естественно сменяется привидением»⁵⁰. Это важный концепт для разделения, говоря условно, внутреннего и внешнего человека в персонаже. Под внешним человеком я имею в виду сформированную опытом и временем (или же обеспеченную врождённым конформизмом) совокупность обличей, используемых героем. Под внутренним, соответственно — личностное ядро. Это разделение близится к концепции К.Г. Юнга, противопоставляющего «персоны» «самости», о чём говорит С. Бочаров в статье «Вокруг Носа», которая будет разобрана ниже. По поводу же приведения Башмачкина можно сказать следующее: «вещность» и «призрачность» маски фигурируют у Тынянова в одной связке абсолютно оправданно, и противоречия здесь нет, если вспомнить христианское противопоставление земного, материального (преходящего) духовному, нематериальному (вечному). Логика объединения здесь такая же; тело и бестелесное приведение можно определить как гипонимы понятия «обличье», в то время как предполагаемый противовес — душа, самость — так и не выражен эксплицитно, соответственно, не очевиден.

Обратимся к статье В. Ерофеева «Розанов против Гоголя», которая объясняет ещё один взгляд на Гоголя, взгляд В. Розанова. В данном случае я предпочла обратиться не к первоисточнику, а именно к источнику второго порядка, потому что оцениваю это эссе как качественное, рационально систематизирующее обрывочные мысли Розанова и сглаживающее его чересчур экспрессивный стиль. То есть, Ерофеев предлагает нашему вниманию цельную (пусть обработанную) мысль, работать с которой гораздо удобнее. О смехе Гоголя за Ерофеева говорит цитируемый им Ф. Достоевский: «Достоевский за пятнадцать лет до этого эпизода в статье “Книжность и грамотность” обнаружил такой взгляд на Гоголя, который, как мы сейчас увидим, в какой-то мере предшествовал розановским размышлениям: “Явилась потом смеющаяся маска Гоголя, с страшным могуществом смеха <...> И вот после этого смеха Гоголь умирает перед нами, уморив себя сам, в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не смеяться”»⁵¹. Под смехом здесь, как мне кажется, неверно понимать именно юмористическую составляющую произведений Гоголя, скорее это то «отрицание

---

⁵⁰ Ерофеев В.В. Розанов против Гоголя // Вопросы литературы, №8, 1987. Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/22187/Erofeev_-_Rozanov_protiv_Gogolya.html (дата обращения: 30.04.2018)

⁵¹ Там же

жизни», о котором говорил Белинский. Отсюда ещё более закономерной кажется мысль о невозможности гоголевского идеала, она же лишний раз подчёркивает, что зло (даже скорее не-добро, проблема не-идеальности) для Гоголя коренится не во внешних условиях, не в искривлённой системе или предпосылках материалистического толка, но в самом человеке. Что, в свою очередь, вступает в противоречие с советской интерпретацией «маленького человека». Теперь непосредственно о Розанове: «В специально отведенной Гоголю главке он высказал сомнение относительно достоверности известного взгляда (высказанного, в частности, Ап. Григорьевым), по которому “вся наша новейшая литература всходит из Гоголя”. Розанов предложил диаметрально противоположный тезис: русская новейшая литература “вся в своем целом; явилась отрицанием Гоголя, борьбой против него” Впрочем, уточнял Розанов, не только новейшая, но и догоголевская литература, и прежде всех Пушкин, также враждебны Гоголю. <...> “Мнимые”, с его точки зрения, преемники Гоголя из русских писателей: Тургенев, Достоевский, Островский, Гончаров, Л. Толстой -- обнаружили тонкое понимание внутренних движений человека, найдя за действиями, за положениями, за отношениями “человеческую душу, как скрытый двигатель и творец всех видимых фактов”. Именно эта черта объясняет, по Розанову, всех перечисленных писателей, и именно этой черты – “только ее одной и только у него одного” -- нет у Гоголя. Называя Гоголя “гениальным живописцем внешних форм”, Розанов полагал <...> что “за этими формами ничего в сущности не скрывается, нет никакой души”»⁵². Сопоставление отрывков из разных статей Розанова способствует лучшему пониманию его идеи, сообщая ей некую монолитность, целостность. Гоголь противопоставлен остальным авторам по единственному критерию: наличию у персонажей души, говоря конкретнее - того самого противовеса «маске», о котором шла речь выше. И действительно, если проследовать по хронологической оси русской литературы, у всех ключевых авторов вплоть до Гоголя в произведениях, как правило, присутствует хотя бы один персонаж, прямо олицетворяющий человеческое благородство и душевную чистоту (Фонвизин, Грибоедов, Лермонтов, Пушкин). Впоследствии, с усложнением образов и характеров, мы по-прежнему наблюдаем тяготение к «одушевлению», «очеловечиванию» персонажей, отрицательные черты могут соседствовать с положительными, но в широком смысле вопрос о способности человека к добру и благородству не ставится (Гончаров, Островский). Не следует принимать во внимание трагичные финалы или пессимистические мотивы произведений, так как вопрос наличия

---

⁵² Там же

души и вопрос необходимости её наличия, вопрос её смысла – сферы определённо разные. И творчество Гоголя определённо производит впечатление новаторства: хотя бы потому, что он первый имплицитно ставит под сомнение светлое начало в человеке, создавая художественное пространство, закольцованное на персонаже непримечательном, заурядном и не вызывающем читательской симпатии. Завязь же типа «маленького человека», согласно моему мнению, действительно восходит к Пушкину, и в первую очередь его «Медному всаднику», в то время как вести генеалогию типа к Карамзину («Бедная Лиза») ошибочно, так как способствует не конкретизации понятия, а его избыточному обобщению. Однако справедливость розановского тезиса об отсутствии (именно отсутствии) в гоголевских героях души можно поставить под сомнение – загадка «маленького человека» как раз заключается в том, скрывается ли что-то за этими «внешними формами», невозможность доказать ни наличие за ними души, ни её отсутствие. Маловероятно, что автор «Петербургских повестей» целенаправленно воплощал эту неоднозначность души в своих героях, но литературу судят не столько по замыслу, сколько по созданному, так как оно зачастую превышает в значимости любой замысел. В случае Гоголя созданное тождественно задуманному разве что в «Выбранных местах», которые намного уступают в смысловой глубине остальным его произведениям. Ерофеев подчёркивает: «Розанов не считается с намерениями Гоголя. Он судит Гоголя по тому, что Гоголь создал, и находит, что Гоголь сам не ведал, что творил. Именно в этом неведении, которое Розанов считает роковым для России, заключается “главная тайна Гоголя”: “Он показал всю Россию без-доблестной, -- небытием”»⁵³. Розанов очень чутко подчёркивает иррациональность Гоголевских произведений как один из главных признаков его творчества: «Гоголь остается темен и темен. Все объяснения и, так сказать, самый метод *объяснительности* грешат тем именно, что они рациональны... Тут чем понятнее и “разумнее”, тем дальше от действительности, которая заключается именно в неразумности, тьме, в смутном»⁵⁴.

Рассмотрим статью С. Бочарова «Вокруг Носа», которая фокусируется только на одной повести Гоголя, тем не менее идеи этой статьи применимы ко всем «Петербургским повестям» и будут исключительно полезны при формулировании понятия «маленького человека». Отталкивается Бочаров от Анненского, а именно

---

⁵³ Там же

⁵⁴ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского, 1894. Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html> (дата обращения: 30.04.2018)

следующей цитаты: «Гоголь написал две повести: одну он посвятил носу, другую - глазам. Первая - веселая повесть, вторая - страшная. Если мы поставим рядом две эти эмблемы - телесности и духовности, - и представим себе фигуру майора Ковалева, покупающего, неизвестно для каких причин, орденскую ленточку, и тень умирающего в безумном бреде Чарткова, - то хотя на минуту почувствуем всю невозможность, всю абсурдность существа, которое соединило в себе нос и глаза, тело и душу... А ведь может быть и то, что здесь проявился высший, но для нас уже не доступный юмор творения, и что мучительная для нас загадка человека как нельзя проще решается в сфере высших категорий бытия»⁵⁵. Мы наблюдаем, как в этом отрывке Анненский очерчивает всё ту же двойственность человеческой природы (земное/телесное – высшее/духовное), при этом разделяя эти качества, раздавая разные роли персонажам разных повестей. Тем не менее, стоит посмотреть на две стихии как на комплекс, и оценивать персонажей, исходя из этого. Ни Чартков, ни Ковалёв в этом случае не окажутся одномерными, «стерильными» воплощениями будь то души (ибо она подвергается искушению), ни тела (ибо оно распадается на части). В этих гоголевских персонажах вернее видеть человека и недочеловека в совокупности, никакой из которых не превалирует. Эту мысль косвенно содержит следующая выдержка из статьи Бочарова, который, в свою очередь, ссылается на Юрия Манна: «Во вторую и основную эпоху Гоголя происходит процесс, который был открыт и описан Ю. Манном: нечистая сила как активный субъект и причина фантастических действий исчезает из мира Гоголя, но этот мир становится изнутри фантастичным, странным по-гоголевски. “Фантастика ушла в быт, вещи, в поведение людей, в их способ мыслить и говорить”»⁵⁶. Нечистая сила у раннего Гоголя – живая, «очеловеченная», веселящаяся, но не веселящая, а скорее пугающая. Это стихия, которая, после некоторой натурализации, поблекнет и просочится в человека. Прослеживается цепочка нечисть – «нечистость» – грех. Процесс в некоторой степени напоминает переход от языческих верований к христианству. Цепочку можно вести далее, так как грех – понятие вызывающее, сильное, несопоставимое с «маленьким человеком» по масштабу. Разбираемому типу скорее пристало слово «грешок», бытовая нечистоплотность духа, свойственная обывателю, тогда как слово «грех» органичнее смотрится в связке с романтическим героем. И добро, и зло, причиняемое «маленькими людьми» (или ими ощущаемое) – не исходят из противоборства внутренних страстей, а более являются побочными эффектами пассивного социального функционирования. И

---

⁵⁵ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 99

⁵⁶ Там же, с. 102

только в момент сюжетного «надлома» (как то: смерть супруги, кража шинели, потеря носа, развенчание идеала) встаёт вопрос о стержневой составляющей персонажа: вопрос о том, как он прореагирует на нетипичную ситуацию, оказавшись с ней один на один. Эта ситуация суть формальная предпосылка для открытия персонажем в себе настоящего, индивидуального, глубинного. Бочаров приводит слова Флоренского: «Флоренский исследовал тот феномен отщепления оболочки человеческого существа от ядра, “внешнего” человека от “внутреннего”, который первым в русской литературе и мысли открыл и изобразил нам Гоголь. “Явление личности отщепляется от существенного её ядра и, отслоившись, делается скорлупою”»⁵⁷. В условиях одиночества предполагается именно обнажение «существенного ядра», однако у гоголевских персонажей мы не наблюдаем «вскрывшейся оболочки», они этой оболочкой остаются, тем самым вызывая сомнение в существовании этого ядра. Бочаров пишет: «Анненский замечает о двух слитых жизнью людях в каждом человеке: “один – осязательный”, “другой – загадочный, тайный <...> сумеречная, неделимая, несообщаемая сущность каждого из нас. Но другой – это и есть именно то, что нас животворит и без чего весь мир, право, казался бы иногда лишь дьявольской насмешкой”. Так вот, из этих двоих Гоголь оторвал первого, осязательного, от второго, сумеречного, оставив второго в тени, развил “типическую телесность”, так что “первый, осязательный, отвечал теперь за обоих”»⁵⁸. Герой видится человеческим «зародышем», костенеющим в своей скорлупе, однако право вынести вердикт остаётся за читателем. Кажется, что именно об этих людях говорит сам Гоголь в своей статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина»: «люди, кажется, отбежавшие навеки от собственного, скрытого в самих себе, непостижимого для них мира души»⁵⁹. Человек мал своим побегом, желанием отмежеваться от экзистенциальных вопросов, выбором в пользу обывательского и понятного, своей растерянностью, переходящей в игнорирование глубинной, духовной составляющей жизни. Бочаров: «Оценивая гоголевскую формулу в философской перспективе, надо назвать учение К. Юнга об “истинной самости” (das Selbst). Различение Юнгом двух душевных инстанций: “маски” (“персоны”) – как того, “что человек, по сути дела, не есть, но за что он сам и другие люди принимают этого человека”, и “самости” как глубинного “я” - несомненно, имеет близкое отношение к тому внутреннему конфликту в человеческом образе, который был странным и уникальным образом выражен “Носом”

---

⁵⁷ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 108

⁵⁸ Там же, с. 109

⁵⁹ Там же, с. 112

Гоголя»⁶⁰. Этот вопрос концепта индивидуальности будет тщательно разработан Достоевским в романе «Бесы», и этот роман также интересно сопоставить с повестями Гоголя. Достоевский нам рисует притягательного, обаятельного, зловещего, страстного, загадочного, незаурядного человека (Ставрогин) так искусно, что лишь к концу романа мы спрашиваем себя, а стоит ли что-то за этим внешним образом, какова его настоящая личность, кто он? Гоголь рисует нам человека обыкновенного, рядового, неприметного, скучного, мелкого, затянутого в водоворот соразмерно мелких происшествий, однако по завершении анекдота мы спрашиваем в точности о том же: а может быть, за этим внешним образом что-то стоит? Какова настоящая личность «маленького человека», кто он? Анализируя творческое влияние Гоголя на Достоевского, Бочаров говорит: «Внешнего человека он [*Достоевский* – прим. Ю.Я.] развернул детально, внутреннего, по слову Анненского, оставил в тени и в тайне. Но он открыл тем самым - благодаря разделению – этого умопостигаемого человека, человека в человеке, оставшегося у Гоголя в тёмной и молчаливой глубине <...> Человек у Гоголя, такой материальный и примитивный, явился таинственным и проблемным, каким он не был в нашей литературе до Гоголя»⁶¹.

Таким образом, о «маленьком человеке» Гоголя можно сделать следующие выводы:

- Главные персонажи «Петербургских повестей» (Пискарёв, Чартков, Ковалёв, Поприцин, Башмачкин) могут быть классифицированы как представители гоголевского подтипа «маленького человека», частично к этой категории можно также отнести главных героев повести «Старосветские помещики»
- Для подтипа характерны: сращение со своей социальной ролью/маской, неочевидность внутреннего мира, непреднамеренный конфликт с шаблоном, растерянность в условиях столкновения с непредвиденной ситуацией, неспособность её принять, ощущение одиночества, фрустрация, а также весь комплекс признаков, сформулированных в выводе первой главы
- Гоголь создаёт образы, воплощающие человеческую двойственность (оппозиция внешнего и внутреннего), но разрабатывает только явно доминирующий

---

⁶⁰ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 113

⁶¹ Там же, с. 118

«внешний» аспект, заставляя читателя усомниться в реальности аспекта «внутреннего», ключевой проблемой гоголевского «маленького человека» является призрачность личностного ядра в человеке, неспособность персонажа справиться с экзистенциальными вопросами на индивидуальном уровне и отказ эти вопросы осознавать

Глава 3.

«Маленький человек» и персонажи А.П. Платонова

Для начала будет полезным проанализировать, что общего имеют художественные миры Платонова и Гоголя. Об их связности говорит Н. Корниенко в статье «"Добрые люди" в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов»: «В статье 1938 года "Общие размышления о сатире — по поводу одного частного случая" Платонов ведет речь уже не о "Мертвых душах", с которыми вполне правомерно сопоставлялись современниками "Чевенгур" и "Впрок", а о "Старосветских помещиках" Гоголя как примере произведения, "которое критикует общество не в ярости ума и не в осмеянии подлого человека, а в тишине и слезах", где "работа истории осуждена и оплакана Гоголем"»⁶². Любопытно провести параллель между «Старосветскими помещиками» и платоновским «Котлованом»: в обоих случаях идиллия имеет привкус обречённости и страха, но важным моментом, сигнализирующим о внутренней отдельности платоновского героя от типа «маленького человека», является перестановка активного субъекта и объекта воздействия: у Гоголя история приводит в движение человека, у Платонова – человек историю. Роднит эти истории трагичность исхода. В мире Гоголя страшно: рай хрупок, условен, картонен и конечен. В мире Платонова ещё страшнее: стремление в рай сменяется осознанием его невозможности. Стилистическое же родство (которое в некотором смысле тождественно идеологическому) – в использовании сатирических приёмов: «Если мы заглянем на страницы "Выбранных мест", то найдем там источники ключевой идеи платоновской статьи, что "сатира — это исключительно искусство идеи и мысли", вне которых она вырождается в анекдот, "забавность, смехотворность, потеху саму по себе". <...> в "Выбранных местах" <...> поэзия сатирическая определяется лишь как "одна из сторон нашей поэзии", причиной развития которой Гоголь называл мучительный путь обретения "идеала уже лучшего русского человека" и благоговение "только пред одним нестареющим и вечным"»⁶³. Подобно о пересечении Гоголя и Платонова говорит Б. Парамонов: «Андрей Платонов <...> если угодно, "советский" писатель, потому что кровно связан с коммунизмом, с

---

⁶² Корниенко Н. "Добрые люди" в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с.13

⁶³ Там же

коммунистическим мифом, к тому же с техницистским его изводом. Но он не бытописатель советских будней и реалий, а открыватель коммунистических архетипов. Он работает на гоголевской глубине. И оказывается, эти архетипы – те же, гоголевские. Платоновские чевенгурцы – та же смесь Манилова с Ноздревым, то же прожекторство, и отнюдь не мирное, а воинственное, они расстреливают и буржуев, и даже их барахло. И в то же время Платонов обнаруживает в русских архетипах еще один вариант, который силится и не мог обнаружить Гоголь: его чевенгурцы – модификация древнего, изначального, потому и “архее” -типа странника, искателя Небесного Града»⁶⁴. Точка пересечения Платонова и Гоголя локализована в интенции, в присущем обоим авторам идеализме, надежде на чудесное обновление, будь то мира (Платонов) или человека (Гоголь), надежде, неизбежно и неизменно конфликтующей с реальностью, но конфликт этот каждый выстраивает и выстаивает иначе, выражая его многоголосьем своих персонажей. Нетрудно заметить разницу в наборе качеств, которым обладают герои этих авторов. В статье «”Добрые люди” в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов» о персонажах Платонова мы читаем следующее: «Именно строительством и сохранением доброты в «доме-очаге» и мире заняты все «добрые люди» его рассказов: Юшка («Юшка»), бабушка Ульяна и девочка Наташа («Июльская гроза»), сирота Уля, исправляющая не царей, как Прямовзора Радищева, а окружающих недобрых людей («Уля»), мальчик Вася на дальнем полустанке («Корова»), школьник Иван Гвоздарев, которого Платонов в записной книжке причислит к «гениям» («Великий человек»), Назар Фомин («Афродита»). На всех этих героях, совершающих тихое дело добра в современной жизни, лежит печать смиренномудрия, скрытого благородства, простоты речи (или молчания) и — полной свободы»⁶⁵. Смиренность, упомянутая в этом списке, разнится от смиренности гоголевских персонажей, так как сочетается с такими качествами, как благородство и внутренняя свобода – именно теми качествами, которых недостаёт «маленьким людям» Гоголя для того, чтобы стать людьми без прилагательного.

Поставим вопрос, отчего платоновские персонажи в принципе были восприняты как представители клана маленьких людей. Полагаю, из-за внешнего подобия (бедность,

---

⁶⁴ Парамонов Б.М. Россия Гоголя // Культурный Дневник, 2009. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/1566512.html> (дата обращения: 30.04.2018)

⁶⁵ Корниенко Н. ”Добрые люди” в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 13

одинокость, неудачливость), а также из-за стереотипной интерпретации маленького человека как человека благородной души, то ли недоразвитой в силу внешних условий, то ли тщательно скрываемой от пошлого внешнего мира. И едва ли кто-то станет опровергать тот факт, что платоновские образы действительно обладают аурой благородства. Однако в первую очередь следовало поставить под сомнение величие самого маленького человека, с которым производят сравнение. А о парадоксальном сочетании заурядного бытия с «дальнозоркостью» сознания лучше всего написал сам Платонов: «...Великая проблема воробья. Семеев, свободен,дохнет в неволе, а летает по одному аршину. А нужна ему почти бесконечность»⁶⁶. Не внешняя невзрачность определяет человека, не его неспособность к великим свершениям, но потребность в бесконечности. Показателен отрывок из статьи Платонова «Пушкин – наш товарищ», в которой он определяет свою позицию касательно «сырых и убогих» весьма эксплицитно: «Особенно далеко отошёл от Пушкина и впал в мучительное заблуждение Достоевский – он предельно надавил на жалобность, на фатальное несчастье, тщетность, бессилие человека, на мышиную возню всего человечества, на страдание всякого разума»⁶⁷.

В предыдущей главе мной была подчёркнута та свобода, которая даётся читателю в оценке гоголевских персонажей. Благородно воздерживаясь от неуместного морализаторства, автор способствует лишь обогащению своего произведения. Множественность интерпретаций, в свою очередь, добавляет многомерности персонажу. Рассмотрим в этой плоскости также художественный мир Платонова. Вот что пишет об этом Ольга Меерсон в своей книге «Апокалипсис в быту»: «С этой, аксиологической точки зрения возникает самый главный вопрос: в какое именно нравственное положение поставлен читатель поэтикой неостраннения? Мы больше не наблюдатели, а участники <...>. Такое эмоциональное вовлечение порождает и нравственное вовлечение, причем очень интересное вовлечение – избирательное. Обратившись к истории рецепции Платонова, мы можем увидеть, что это отсутствие авторитарной “авторской коррективы” смущало и раздражало в Платонове как советскую власть, так и её противников. Подобно Апулею, Сервантесу, Стерну, Гоголю, Достоевскому и многим

---

⁶⁶ Корниенко Н. “Добрые люди” в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 5

⁶⁷ Платонов А.П. Пушкин – наш товарищ // Литературный критик, №1, 1937. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/pushkin-nash-tovarysch> (дата обращения: 30.04.2018)

другим писателям, скрадывающим авторитетный голос в своих произведениях, Платонов даёт читателю слишком много противоречивых ключей к своим идеологическим контекстам, чтобы читатель смог решить, какими же из этих ключей ему следует пользоваться»⁶⁸. Как видно из этого пассажа, интерпретации будут ветвиться, и это неизбежно. Тем осторожнее надо подходить к обобщениям любого рода. Несмотря на это, я искренне уверена в реальности и ценности литературоведческих исследований даже в таких неоднозначных и топких областях, потому как каждый комплекс произведений отдельного автора обладает имманентной логикой, и нашей задачей является попытка найти ключ к конкретной шифровке, и при выполнении этой задачи легитимно использовать как логическое мышление, так и анализ субъективных ассоциаций и эмоций, возникающих при прочтении произведений.

Несмотря на многие сходства гоголевского и платоновского подхода к эстетике, изобразительным средствам, приёмам, темам, несмотря на ряд сходств в их поэтике, между ярко выраженными литературными типами (такими, как «маленький человек» у Гоголя или тип странника у Платонова) прямых параллелей не может быть проведено. Как мной было показано ранее, концепт «маленького человека» в литературной критике и литературоведении размыт, и существующая дефиниция (а тем более набор первичных ассоциаций, связанных с этим термином) не может служить базой для сопоставлений, тем не менее, в качестве этой базы активно используется.

Далее последует краткий экскурс в проблему интерпретации платоновского человека на школьном уровне. Показательным в этом смысле является предлагаемый отрывок из анонимного сочинения на тему «Маленький человек Андрея Платонова», который отлично иллюстрирует клишированный подход к этой теме. Может показаться, что разбор школьного сочинения не должен являться составной частью дипломной работы. Тем не менее, я включила его и желаю пояснить причину: серьёзному литературоведению нечего возразить на это сочинение. Потому как логичный и цельный концепт не кодифицирован, не сформулирован, следовательно, не может служить контраргументом. И это наглядно демонстрирует важный пробел в терминологии современного литературоведения. Это очень важно подчеркнуть, поскольку термин

---

⁶⁸ Меерсон О. Апокалипсис в быту. Поэтика неостраннения у Андрея Платонова. Москва: Гарант, 2016, с. 37

«маленький человек» популярен, живуч и активно используется на всех уровнях преподавания и исследования литературы.

Текст сочинения: «В литературе 20-30-х годов к теме маленького человека обращались лишь очень немногие писатели, стоявшие тогда в основном на периферии литературного процесса. Наиболее примечательное явление этого ряда — рассказы Платонова, который как раз и сосредоточился на изображении маленького человека и его судеб в послереволюционную эпоху⁶⁹. Маленький человек у Платонова — это всегда своеобразный философ, стремящийся постичь суть и смысл всех вещей в природе⁷⁰. И хотя в постижении смысла жизни он идет нетрадиционными путями, его суждения о жизни, убеждения, к которым он приходит, зачастую очень верны⁷¹. Маленький человек Платонова — это прежде всего человек труда, способный как-то незаметно одухотворить все, что до труда касается. В этом одухотворенном труде герой находит и истину, и справедливость, и надежду. Герои Платонова довольно далеки от идеологических проблем, они идут своим путем, самостоятельно нащупывая правду жизни инстинктом рабочего человека. При этом Платонов показывает, что жизнь маленького человека важнее, глубиннее и, в сущности, содержательнее, чем проносящиеся на поверхности политические бури⁷². В ту эпоху, когда сознание людей было в высшей степени политизировано, Платонов обращается к вечным проблемам бытия, которые ставят перед человеком рождение и смерть, круговорот природы, собственная душа»⁷³.

Возвращаясь от любительских обобщений к литературоведческим исследованиям, попробуем проанализировать хронотоп художественных произведений

---

⁶⁹ Неудивительно, что подобная интерпретация платоновского творчества приводит к передвижению автора на «периферию литературного процесса» (прим. Ю.Я.)

⁷⁰ Обратим внимание: постичь смысл всех вещей – является ли это задачей типического маленького человека? Эта логическая неувязка долгое время маскировалась мнимым «величием» маленького человека, что одновременно являлось непониманием хронологической динамики литературного процесса: за романтическим героем следовал будто бы реалистический романтический, однако эта метаморфоза с большой натяжкой может считаться закономерной для большого искусства, каждый новый этап которого начинается с поиска контрастного метода по отношению к этапу предыдущему (прим. Ю.Я.)

⁷¹ Следует задаться вопросом: что такое верность суждений? Соответствие взглядам эпохи? Ожиданиям читателя? «Вечным истинам»? Налицо неуместная генерализация и «оплощение» всего корпуса платоновских произведений (прим. Ю.Я.)

⁷² И снова мы наблюдаем эксплуатацию устоявшегося стереотипа (прим. Ю.Я.)

⁷³ Сочинение: Маленький человек в произведениях Платонова. Автор не указан. Режим доступа: <http://sochineniye.ru/malenkij-chelovek-v-proizvedeniyah-platonova/> (дата обращения: 30.04.2018)

Платонова. Обратимся к статье «О некоторых уроках текстологии» Н. Корниенко: «О центральных мотивах, метасюжетах мира творчества Платонова писали критики, литературоведы, писатели, философы. Писали уже при жизни. “Время действия — вечность. Место действия — огромная шаровая поверхность земли”, — констатировал А. Гурвич в 1937 году, пронизательно заметив, что “религиозное душеустройство” есть принцип художественной методологии платоновского произведения. Эти масштабы легко вмещаются в рассказах Платонова, потому что по существу местом действия их является “разбитое сердце и навсегда смущенная душа человека”, а такое сердце, такая душа, полагает Платонов, вездесущи»⁷⁴. И место, и время действия категорически не подходят «маленькому человеку» (человеку иных масштабов во всех смыслах). А «навсегда смущённая душа» - явный и очевидный маркер человека не-маленького, ведь смута в мире маленьких людей носит эпизодический, временный характер, вследствие смуты маленький человек ломается, либо спешит обратно в знакомое и безопасное логово. Платоновский же человек бездомен, ему домом целый свет, где ни безопасности, ни надёжности он не находит, и понимает, что не найдёт. В противовес закоренелой оседлости маленького человека, природное состояние платоновского героя – это странничество. А. Садовников в статье «О сущности человека и некоторых библейских мотивах в прозе Андрея Платонова» говорит: «В творчестве Платонова 20-х – начала 30-х годов сформировался устойчивый комплекс мотивов и образов: дорога, даль, порожнее пространство, грустная пустыня, ветер, нищий, путник, бродяга, душевный бедняк, сокровенный человек. Являясь результатом интерпретации сюжетной ситуации странничества, они в равной степени сопричастны сиюминутному и вечному, что делает их проводниками скрытой генерализующей идеи о сущности и целях движения человека и человечества в природно-космическом бытии»⁷⁵. Страдание по правде и честности оборачивается разочарованностью в компетентности собственного рассудка. Ощущение дезинтеграции приобретает беспрецедентные размеры. Здесь уместна следующая цитата из статьи М. Дмитриевской «Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова “Чевенгур”»: «Ставя задачу обрисовать мирозерцание А. Платонова конца 20-х — середины 30-х годов, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью выделить

---

⁷⁴ Корниенко Н. О некоторых уроках текстологии // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 16

⁷⁵ Садовников А.Г. О сущности человека и некоторых библейских мотивах в прозе Андрея Платонова // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, №2, 2014, с. 276-279

некоторую доминанту, основную мысль писателя, вокруг которой выстраивается все здание его взглядов. <...> Определяющей проблемой в связи с человеком является для А. Платонова проблема человеческого сознания. Начиная с повести “Сокровенный человек” (1926), писатель будет постоянно обращаться к этому вопросу, пытаясь решить его художественными средствами. Платонов увидит в наличии сознания корень и причину отпадения человека от универсума и неизбежного одиночества во вселенной. Повесть “Сокровенный человек” еще несет в себе возможность слияния человека с миром, но в ней уже тревожным голосом заявлено о распаде единства. В повести “Котлован” будет показано, что наличие у человека сознания и отделенность от мира порождают проблему познания мира как средства на пути к слиянию с мировым целым»⁷⁶.

О познании мира платоновскими героями следует сказать отдельно. Интересный отрывок обнаруживаем мы в уже однажды упомянутой статье «О некоторых уроках текстологии»: «В одном из набросков к роману Платонов разворачивает пушкинскую — духовную и душевную — перспективу “писательского путешествия” в новом веке: “Цель его путешествия не в достижении конечного пункта, а всюду по дороге — и в начале ее, и посередине, и в конце и даже вовсе в стороне от нее: везде, где возможно явление нового человеческого образа <...> Надо еще сказать, что истинные факты, обозначающие самое существо мира или истории, всегда являются в скрытом или *незначительном* вначале виде. Поэтому для их открытия и точной оценки нужен большой труд, необходимо большое умение вживаться своим чувством, действием и мыслью во встреченную незнакомую действительность, а не просто наблюдать ее посредством любопытствующих глаз — и ехать мимо. Подобное путешествие похоже скорее на подвиг, чем на удовольствие, потому что оно является близким *соучастием в жизни* всех *встречных и попутных людей*, и в нем больше остановок, чем движения в дороге”»⁷⁷. Если вдуматься, герои Платонова делают именно это — вживаются чувством и мыслью в действительность. Этот процесс безусловно энергозатратен, потому как предполагает неустанную адаптацию, перекраивание сознания с тем, чтобы оно вместило

---

⁷⁶ Дмитриевская М.А. Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 39

⁷⁷ Корниенко Н. О некоторых уроках текстологии // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 14

окружающую реальность во всей её многогранности и противоречивости. Это энергозатратно также потому, что предполагает преодоление страха неизвестности. В то время как «маленький человек» манкирует возможностью стать первооткрывателем или спровоцировать любую перемену в устоявшемся укладе. Достаточно вспомнить Башмачкина, который, едва ему было поручено «именно из готового уже дела <...> сделать какое-то отношение в другое присутственное место <...> переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье»⁷⁸, совершенно вспотел и взмолился, чтобы ему дали что-то переписать вместо этого. Маленький человек радуется за статус-кво, за экзистенциальную безопасность. В то время как человек Платонова вырос из иллюзий.

Ещё один немаловажный критерий разделения персонажей на «маленьких» и «немаленьких» людей – это наличие вектора. Именно векторность мышления конкретного персонажа логически подкрепляют нашу бинарную оппозицию. Проиллюстрирую свою мысль отрывком из статьи И. Кирилловой «Типология героев Андрея Платонова» (в которой, помимо прочего, упоминается, что по одной из версий герои Платонова «восходят к «традиционному в русской литературе типу маленького человека»). Отрывок посвящён детским образам в платоновской прозе: «Ребёнок в понимании Андрея Платонова – это <...> “вечная надежда”. <...> “Ибо в жизни всегда господствует грядущая, ожидаемая, еще не рождённая чистая мысль, трепет которой мы чувствуем в груди, сила которой заставляет кипеть нашу жизнь”»⁷⁹. Как связаны векторность и дети? Ответ незамысловат: герои Платонова очень устойчивы в своей надежде, эта «ещё не рождённая мысль», отчаянная вера в завтра, хоть бы вчера, позавчера и позапозавчера ничем эту веру не подкрепляло, де-факто обеспечивает динамику внутренних устремлений персонажей и является своеобразным гарантом их жизнеспособности. Если платоновский герой – суть вектор, то гоголевский герой – хождение по кругу. Изначально маленькому человеку неведомо отчаяние, тем более неведомо бродское «философское бешенство»⁸⁰. Ибо мир понятен и устраивает маленького человека. Только в определённый момент оказывается, что мир только казался понятным – потому

---

⁷⁸ Гоголь Н.В. Шинель // Собрание сочинений в девяти томах. Т.3. Москва: Русская книга, 1994. Режим доступа: <http://www.ilibrary.ru/text/980/p.1/index.html> (дата обращения: 30.04.2018)

⁷⁹ Кириллова И.В. Типология героев Платонова // Известия ВГПУ, №5, 2007, с. 120

⁸⁰ Бродский И.А. Проза и эссе (основное собрание). Послесловие к "Котловану" А. Платонова, 1973. Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt (дата обращения: 30.04.2018)

как в обзоре был только маленький его лоскуток, что жизнь, превращённая в ритуал, априори искусственна, и там, где иллюзия даёт трещину, холодно, одиноко и страшно. И маленький человек узнаёт, что за страстные порывы предусмотрена плата. А не-маленький человек знает это наверняка. Что касается собственно детских образов, в «Петербургских повестях» они отсутствуют, хотя некоторые исследования утверждают⁸¹, что герои «Повестей» по поведению и мировоззрению являются взрослыми детьми. Там же утверждается, что образ ребёнка связан в понимании Гоголя с «Божественной искрой», чистотой, невинностью, лучшим состоянием человека. На мой взгляд, работа содержит логические противоречия, и использование её выводов из-за этого затруднено. Однако на этом фоне более логичным видится подход Платонова и анализ его подхода литературоведами. Сверх роли адепта, преемника, наследника мира, ребёнок принимает на себя и роль представителя истиной человеческой природы. Наивность, прямота, искренность, эмоциональность, мечтательность, изобретательность (конгломерат добрых качеств, не всегда совместимых с социальными правилами общежития, и далеко не всегда – с личной выгодой) – вот что такое ребёнок у Платонова. При этом писателю не присуще заигрывание с романтическим образом «благородного дикаря», ребёнок – это и непонимание, сбивчивость, растерянность, бестактность, а порой и жестокость. Взрослый – попытка нивелировать крайности, примирить все качества между собой и, сохранив нетронутыми лучшие из них, интегрироваться в мир, достигая с ним внутреннего родства. Однако во взрослом активируется логика, прагматичность, сомнение, разум как таковой, и находки сердца отказываются складываться в цельный философский продукт. Чувство верно, но бездоказательно. Реальность противоречит детскому мифотворчеству, и всё же тяга к нему несокрушима в лучших героях Платонова.

Учитывая то, как прочно концепт маленького человека связан с экзистенциальной тематикой, необходимо рассмотреть тему одиночества, ярко звучащую в произведениях обоих авторов, на которых сфокусирована моя работа. Вопросы, которые резонно задать, звучат следующим образом: каково литературное окружение того или иного персонажа? Какие взаимоотношения складываются у персонажа с социумом как целым и любимым другим персонажем как частностью этого социума? Чувствует ли персонаж

---

⁸¹ Хусаинова О.И. Тема детства в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, №49, 2008

одинокость? Чувствует ли читатель одиночество персонажа? Каковы стратегии преодоления этого одиночества? Насколько они успешны? Вот что пишет Б. Марков в учебнике «Политическая антропология»: «Одинокость – это отстранение. А. Платонов дискутировал с В. Шкловским и раскрывал человеческие отношения как взаимопроникновение. Его герои не просто отстранённо понимают, а как бы телесно проникают друг в друга. Таково христианство, где человек стремится к Богу, а Бог к человеку»⁸². Упоминание христианства в контексте платоновского творчества уместно, но лишь отчасти. Упомянутое «взаимопроникновение», а если приглядеться – скорее мучительная тоска по оному, объясняется как раз самовольной и самобытной попыткой вручную переработать, переосмыслить обветшавшее религиозное наследие. «Взаимопроникновение» - по-нищезански смелая и сильная попытка опровергнуть существование моста человек – Бог, и, в отсутствие его, найти необходимое утешение в постройке ненадёжного, но реального моста человек – человек. Отказ от веры в идеал во имя воспитания идеала кажется созвучным настроениям эпохи.

Парадоксальным образом, одиночество «большого» человека в сравнении с одиночеством человека «маленького» одновременно и приглушённое и пронзительнее. Обратимся к работе А. Грязновой «Категории сиротства и родства в художественном мире Андрея Платонова»: «Характерной особенностью категорий родства и сиротства в прозе писателя является то, что они не существуют изолированно: осознание героями А. Платонова своего сиротства толкает их на поиски родства, “равенство в страдании” всех явлений мира является главным показателем их изначального единства; благодаря имплицитному представлению о единстве становится очевидным мировое сиротство»⁸³. Предполагаю следующую расшифровку: герой Платонова изначально является частью огромной семьи, которую образует всё живое, тем не менее, семья это весьма условная, т.к. кровью (элементом, формально связующим) является осознание индивидуумом своего одиночества и обречённая попытка его преодолеть. Подобный мотив можно найти у Марины Цветаевой в цикле «Деревья»: «Старческий вереск! / Голого камня нарост! / Удостоверься / В тождестве

---

⁸² Марков Б.В. Политическая антропология. Учебник для вузов. Санкт-Петербург: Питер, 2017, с. 180

⁸³ Грязнова А.Ю. Категории сиротства и родства в художественном мире Андрея Платонова. Воронеж, 2013. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kategorii-sirotstva-i-rodstva-v-khudozhestvennom-mire-andreya-platonova> (дата обращения: 30.04.2018)

наших сиротств, / Сняв и отринув / Ключья последней парчи - / В вереск-руины, / В вереск-сухие ручьи»⁸⁴.

Литературный тип, в отличие от конкретного персонажа, в той или иной мере отсылает читателя к мифологическим, глубинным структурам. Вернёмся к тексту работы А. Грязновой: «Главным и исходным моментом антропологической концепции А. Платонова является утверждение взаимоподобия человека и мира. Мир у А. Платонова выстроен по принципу фрактального тождества макро- и микроструктур, в соответствии с мифологическими представлениями о единстве, родственности всего сущего»⁸⁵. По этому критерию следует сравнить платоновских и гоголевских персонажей. Сравним два фрагмента: первый принадлежит Платонову и взят из «Рассказа о мёртвом старике»: «- Дедушка Тишка! - кликал его из-за соседского плетня невидимый подросток Петрушка. - А что муравей, это тоже - как человек? - Тоже, - отвечал Тишка. - Каждый по-своему человек. - А тогда я, значит, тоже как муравей! - догадывался Петрушка. - Ты муравей, - соглашался с ним старый Тишка»⁸⁶. Этот мотив слияния, объединения условно разнородных элементов в одну материю, пронизывает творчество Платонова буквально насквозь. В то время у Гоголя в «Шинели» мы видим следующий пассаж: «В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха»⁸⁷. Обратим внимание, насколько разнится сравнение человека с насекомым. В платоновском тексте нет и не предполагается «как будто», более того, тождественность насекомого и человека не является для последнего ни в коей мере унижительной. Целостность, взаимопроникновение, множественное переплетение отдельных ниточек в бытийное полотно приводит нас не только к «диффузности» (структура), но и многомерности (пространство) художественного мира Платонова. Имея эти исходные данные, невозможно не заметить, с какой частотой, простотой и

---

⁸⁴ Цветаева М.И. Деревья // После России. Москва: Азбука-классика, 2010, с. 37

⁸⁵ Грязнова А.Ю. Категории сиротства и родства в художественном мире Андрея Платонова. Воронеж, 2013. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kategorii-sirotstva-i-rodstva-v-khudozhestvennom-mire-andreya-platonova> (дата обращения: 30.04.2018)

⁸⁶ Платонов А.П. Рассказ о Мёртвом старике // Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов. Москва: Время, 2012

⁸⁷ Гоголь Н.В. Шинель // Собрание сочинений в девяти томах. Т.3. Москва: Русская книга, 1994. Режим доступа: <http://www.ilibrary.ru/text/980/p.1/index.html> (дата обращения: 30.04.2018)

самоотречением его герои вглядываются в эти «макροструктуры», проще говоря, в мир во всей его целостности (или даже в его двойственности, если исходить из дуалистического противопоставления физического и метафизического). У Гоголя же мы наблюдаем точечную конфронтацию героев с глубинностью мира, и конфронтация эта (вызванная, как я уже упоминала, внешней ситуацией, а не внутренней интенцией) имеет два исхода: либо герой прячется обратно в скорлупу своих «микроструктур», частной, мелкой, объяснимой жизни (Ковалёв из повести «Нос»), либо не выдерживает столкновения и терпит сокрушительное поражение (Башмачкин в «Шинели»). И пусть персонажи Платонова зачастую не понимают, что им делать с этой незримой экзистенциальной пропастью, которая неизменно разверзается в двух шагах, они не могут от неё отмахнуться, замаскировать её, забыть. Эта пропасть – элемент повседневности, быта, для любого «носителя» сознания и сердца (читай «сердечной тоски»). Прекрасным примером послужит Воцев из «Котлована». В то же время для действительно маленького человека быт – это тот спасательный круг, который позволяет даже не столько удержаться в бушующем океане, сколько проигнорировать океан, абстрагироваться от понимания его глубины. С этим созвучна и следующая цитата диссертации: «Для Андрея Платонова, в отличие от многих его современников, освоение нового социального пространства, как мы старались показать в нашем исследовании, было неотделимо от движения “вглубь”, в метафизическую суть явлений»⁸⁸. Вышеупомянутое не должно вводить нас в заблуждение касательно возможности соприкосновения маленького человека с «глубью» — это соприкосновение всё равно происходит, однако маленький человек оказывается в этой интеракции парализованным, неспособным не только на достойный ответ на экзистенциальную провокацию, но и вообще на какой-либо ответ. Что, в свою очередь, не является поводом для осуждения маленького человека. И не потому, что он мал, а следовательно, слаб и бессилён перед любым противником, но потому, что противник его – «глубь», вечность, непостижимость миропорядка, неотвратимость одиночества – настолько огромен и исполнен мощи, что человек рядом с ним закономерно мал. У всех непривлекательных качеств маленького человека, как то: инфантильность, ведомость, аддиктивная привязанность к социуму, малодушность, гипертрофированная робость или гипертрофированное самолюбие (что по факту - лишь две маски одного и того же

---

⁸⁸ Грязнова А.Ю. Категории сиротства и родства в художественном мире Андрея Платонова. Воронеж, 2013. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kategorii-sirotstva-i-rodstva-v-khudozhestvennom-mire-andreya-platonova> (дата обращения: 30.04.2018)

явления) – у всех этих качеств есть исчерпывающее объяснение: человечность. Страх понятен каждому. Отвага – качество редкое. Однако жизнь бок о бок с перманентным осознанием собственной слабости не сулит ничего, кроме дома умалишённых. Маленький человек обособливается от чудовищной «глуби» тем способом, который находит наиболее удачным.

Остановимся на одном моменте, тесно связанном с тенденцией к наделению человека божественными функциями – моменте творчества. Мы можем говорить о социальном творчестве – попытке организовать окружающий человека хаос в определённым образом структурированную систему. Мы можем говорить и о творчестве в основном смысле слова, о созидании, отображении своей перспективы художественными средствами. Или, как бы нетипично это не звучало, средствами техническими. Последнее – бесспорный случай Платонова. Его многочисленные героизобретатели творят неуёмно, легко, на душевном подъёме истинных художников. Эта потребность созидать врождённа и не может быть забыта ни по причине пожилого возраста, ни по причине трудного времени. От усомнившегося Макара (конец двадцатых годов) с его строительной кишкой до старого человека Никодима из одноимённого рассказа 40-х годов с его передвижной избой-приманкой – платоновские персонажи решительно богоподобны в своей тяге к преобразованиям материи. В то же время герои Гоголя, в силу опять-таки врождённой ведомости, склонны не подчинять, но подчиняться. Неудивительно, что творца между ними мы не найдём (множество художников, но ни одного творца).

Вспомним оппозицию идейности-безыдейности. Как упоминалось в предыдущей главе, маленького человека характеризует пассивность и отсутствие идеи, которая выполняла бы роль осевого центра личности (индивидуальности, а не индивида!). Добавим к этому ещё один параметр – прагматичность. Прагматичность органично дополняет комбинацию из конформизма, внутренней подчинённости и инфантильной преданности социальным конструктам. В случае Гоголя прагматичность, безусловно, связана ещё и с географической и временной локацией произведений: что закономернее вписывается в Петербург 30-40-х годов, чем расчёт? Художественно подытожил эту тему, наверное, Гончаров в своей «Обыкновенной истории», а вот развил – именно Гоголь. Посмотрим под этим углом на персонажей Платонова. Статья «”Добрые люди” в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов» говорит о главном герое рассказа «Глиняный дом в уездном саду»: «Его изобретения не менее экзотичны — “питьевые

кружки с откидным дном”, “часы вечного хода, идущие без завода и остановки вплоть до конца света и второго пришествия”, “чугунные часы, которые должны в конце обычного времени пойти в ход от удара молнии”, и даже “биографические” для самого автора рассказа весы “отстранены” в этом контексте: Яков Саввич изготавливает “самые точные весы” для взвешивания жен купцов... В бесприютной и сиротской жизни Якова Саввича особое значение приобретают те минуты свободы, что подчинены не прагматике жизни, а тому вечному — “бесполезному и загадочному, но тем более необходимому человеческой душе и, стало быть, самому доходному”, — без чего невозможна человеческая жизнь»⁸⁹. Эта оторванность от шаблонных подходов, протоптанных дорог, конвенций, в очередной раз подчёркивает ярко выраженную самость, индивидуальность платоновского героя. Чистосердечная приверженность бесполезным затеям частично роднит платоновского человека с героями эпохи романтизма, сдобривая его образ ноткой донкихотства.

Вышеперечисленные особенности платоновских героев проявляются ярче в конфронтации с непобедимой абсурдностью мира. Примечательна следующая закономерность: о невыразимом, непонятном и страшном двадцатый век зачастую говорит абсурдом (как сюжетным, так и чисто языковым, стилистическим). В данной работе абсурд уже разбирался через призму Набокова, посмотрим, как с этой темой работает И. Бродский в своём эссе «Послесловие к «Котловану» А.Платонова»: «Если за стихи капитана Лебядкина о таракане Достоевского можно считать первым писателем абсурда, то Платонова за сцену с медведем-молотобойцем в "Котловане" следовало бы признать первым серьезным сюрреалистом. Я говорю -первым, несмотря на Кафку, ибо сюрреализм - отнюдь не эстетическая категория, связанная в нашем представлении, как правило, с индивидуалистическим мироощущением, но форма философского бешенства, продукт психологии тупика»⁹⁰. В романах Платонова проглядывается именно эта цепочка: одиночество (сиротство) - экзистенциальный страх – обращение к разуму – построение философской концепции – невозможность примирить концепцию и

---

⁸⁹ Корниенко Н. “Добрые люди” в рассказах А. Платонова конца 30-40х годов // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 6

⁹⁰ Бродский И.А. Проза и эссе (основное собрание). Послесловие к "Котловану" А. Платонова, 1973. Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt (дата обращения: 30.04.2018)

реальность – тупик – бессилие и конфликт бессилия с «волей к жизни» – «абсурдирование» реальности, и здесь цепь замыкается в кольцо – абсурд используется для выражения изначального (таким образом, и конечного, таким образом, и бесконечного) одиночества. Единение в одиночестве – цементный раствор, скрепляющий платоновский художественный мир. Платоновский коллективизм – коллективизм не действий (или не только действий), но и мыслей, умонастроений, эмоций и чувств. Подобный взгляд озвучен Иосифом Бродским в том же самом эссе: «Платонов не был индивидуалистом, ровно наоборот: его сознание детерминировано массовостью и абсолютно имперсональным характером происходящего. Поэтому и сюрреализм его внеличен, фольклорен и, до известной степени, близок к античной (впрочем, любой) мифологии, которую следовало бы назвать классической формой сюрреализма. Не эгоцентричные индивидуумы, которым сам Бог и литературная традиция обеспечивают кризисное сознание, но представители традиционно неодушевленной массы являются у Платонова выразителями философии абсурда, благодаря чему философия эта становится куда более убедительной и совершенно нестерпимой по своему масштабу»⁹¹.

Способом примириться с действительностью, окрашенной в тона абсурдизма, становится любовь. Как выражена любовь в художественно-смысловом пространстве Платонова и Гоголя соответственно? Является ли она формообразующим фактором в их произведениях? В какой ипостаси она выступает и какова её функция? Отталкиваясь от концепции Платонова, приведём цитату из статьи «Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова “Чевенгур”»: «В поисках избавления от самого себя человек обращает свои взоры на другого человека, на “ты”. Тем самым человек стремится осуществить вы-хождение, вы-ступание из своих границ. Охватывающее обжившихся в Чевенгуре “прочих” желание настоящего семейства имеет те же экзистенциальные корни: семья нужна как избавление от себя, от сосредоточенной на себе мысли. “Прочие” требуют, чтобы Прокофий привез им жен: “...нам одним тут жутко — не живешь, а думаешь”. Жутко оттого, что если жизнь не расточается вовне, то остается только “думать”, то есть оставаться замкнутым в сфере своего сознания. <...> Направленность на другого, на “ты” в своем совершенном виде принимает форму дружбы и любви. Этим разрушается субъективность “я”. “Любовь всегда рвется наружу, она трансцендентна,

---

⁹¹ Там же

так как она вытекает из неудовлетворенности субъекта, вечно прикованного к субъективности своего духовного мира”, — писал О. Вейнингер. Чувства дружбы (любви) направлены к той же цели, что и религиозное чувство верующего: на обретение полноты бытия — в Боге или в человеке»⁹². Для героев Платонова любовь – это утешение в жизни, обрекающей человека на вечное противостояние с самим собой. Внешне это типичный эскапизм, однако при наличии фактора осознанности любовь приобретает черты глобальной стратегии экзистенциального выживания. Для платоновского героя отдавать – потребность даже большая, нежели брать. Ему присущ поиск контакта с миром – в противовес абстрагированности маленького человека. Маленький человек – заложник своей скорлупы, он пуглив и страшится искренности, любовь, если и присутствует в его жизни, ограничивается внешними, конкретными проявлениями, настолько же устоявшимися, как и прочие социальные рамки, в пределах которых проходит его жизнь. Примером могут служить гоголевские «Старосветские помещики». Эта любовь – не более, чем тактика для игры в прятки с экзистенциальной стихией. Для платоновского героя, в свою очередь, любовь – это способ стать причастным миру, настоящее единение с которым изначально невозможно.

Резюмируя, о героях Платонова можно сказать следующее:

- Их роднит с гоголевскими героями аспект внутреннего одиночества и сюжетная необходимость реагировать на свои экзистенциальные страхи, а также некоторые стратегии, которые внешне напоминают вариации стратегии эскапизма
- Однако ряд отличий платоновских персонажей от персонажей Гоголя объективно длиннее: сюда входят смелость противостоять экзистенциальному гнёту, ответственность за свою личность и все её «маски», внутренняя мотивация к действию (при контроле внутреннего же «барометра» справедливости), принятие жизни в её сложности, целенаправленная попытка мысленного единения с миром, способность к чувству, эмпатия, способность к творчеству, изобретательность, страстность и непрагматичность

---

⁹² Дмитриевская М.А. Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995, с. 45

Заключение

По рассмотрении ряда литературоведческих и критических материалов на тему «маленький человек» можно заключить следующее:

Литературоведческий термин «маленький человек» нуждается в глубокой и многогранной проработке, потому что существующие трактовки понятия структурно и содержательно неудовлетворительны (главным образом они базируются на внешних характеристиках персонажа или формальной структуре сюжета). Такие трактовки не обладают целостностью, и поэтому не предоставляют надёжной базы для анализа конкретных персонажей. В этих условиях вопрос о глубинных связях между «маленькими людьми» разных авторов и эпох видится ключевым. Представители типа должны быть рассмотрены в контексте общечеловеческих проблем (одиночество, экзистенциальные страхи, самосознание). Необходимо также уделить большее внимание «внутренним» качествам героев, не связанным непосредственно с их социальными ролями: способность или неспособность к рефлексии, активность или пассивность, зрелость или инфантильность, принятие или неприятие себя, наличие или отсутствие эмпатии, а также способность или неспособность героя проживать глубокие чувства. Тип, в силу его широкого охвата, разумно разделять на подтипы, чтобы избежать размытия и упрощения термина. Настоящая работа предлагает рассматривать в качестве «маленьких людей» отдельных персонажей А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, а также ряд персонажей из рассказов А.П. Чехова, М.М. Зощенко, А.Т. Аверченко, Н.А. Лохвицкой (Тэффи).

Герои произведений Н.В. Гоголя (в частности, повестей, объединяемых в «петербургский» цикл), являющиеся условным каноном типа «маленького человека», должны быть внимательнее рассмотрены «изнутри», так как понятие «маленький человек» не исчерпывается внешними признаками (как, например, социальное и материальное положение). Необходимо проследить общность поведенческих привычек, мировосприятия и мышления отдельных персонажей, чтобы на этой основе конкретнее и чётче описать данный подтип. Данная работа предлагает классифицировать представителей «гоголевского» подтипа «маленького человека» на основании следующих критериев: сращение со своей социальной ролью/маской, неочевидность внутреннего мира, непреднамеренный конфликт с шаблоном, растерянность в условиях столкновения с непредвиденной ситуацией, неспособность её принять, ощущение

одинокости, фрустрация, а также весь комплекс признаков типа как такового (внешняя заурядность, пассивность и инфантильность, осознание себя жертвой, конформизм, дистанцированность персонажа от собственного внутреннего мира, неспособность к глубинному контакту с другим человеком). Предполагается, что персонажи Гоголя воплощают собой человеческую двойственность: налицо оппозиция внешнего и внутреннего (при доминировании «внешнего» аспекта). Под ключевой проблемой гоголевского «маленького человека» понимается призрачность личностного ядра в человеке, неспособность персонажа справиться с экзистенциальными вопросами на индивидуальном уровне и отказ эти вопросы осознавать.

Герои произведений А.П. Платонова, при частичном подобии (внутреннее одиночество, сюжетная необходимость реагировать на свои экзистенциальные страхи, некоторые стратегии, которые внешне напоминают вариации стратегии эскапизма), внутренне разнятся с героями «петербургских» повестей Гоголя, и для включения их в категорию «маленьких людей» нет достаточных оснований. Платоновские персонажи обладают набором качеств, несовместимых с типом «маленького человека», к этим качествам относятся смелость противостоять экзистенциальному гнёту, ответственность за свою личность и все её «маски», внутренняя мотивация к действию (в противовес внешней), принятие жизни в её сложности, целенаправленная попытка мысленного единения с миром, способность к чувству, эмпатия, способность к творчеству, изобретательность, страстность и непрагматичность. Причина ошибочного, по мнению автора данной работы, толкования платоновских персонажей коренится как в упрощённой формулировке понятия «маленький человек», так и в отсутствии авторитарного авторского голоса в произведениях Платонова, что неизбежно затрудняет их интерпретацию.

Библиография

Источники:

1. Гоголь Н.В. Повести. Москва: Никея, 2014.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.4 Москва: Художественная литература, 1977.
3. Гоголь Н.В. Ревизор: Пьесы. Москва: Эксмо, 2008.
4. Гоголь Н.В. Тарас Бульба: [сборник]. Москва: АСТ, 2016.
5. Платонов А.П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941 – 1945 годов. Москва: Время, 2012.
6. Платонов А.П. Котлован. Ювенильное море: [сборник]. Москва: АСТ, 2016.
7. Платонов А.П. По небу полуночи: Рассказы. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2012.
8. Платонов А.П. В прекрасном и яростном мире: Рассказы. Санкт-Петербург: Лениздат, 2014.

Литература

1. Chlupáčová K., Zdražilová M. Texty a kontexty Andreje Platonova. Praha: Karolinum, 2005.
2. Краткая литературная энциклопедия. Сост. Чернова И.Б. 1967. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke4/ke4-9043.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 30.04.2018)
3. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. Москва: Росмэн, 2006. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5130/%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 30.04.2018)
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Сост. А.Н. Николюкин Москва: Интелвак, 2001.

5. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов в 2-х т. Москва; Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения: 30.04.2018)
6. Маленький человек в произведениях Платонова [Автор не указан]. Режим доступа: <http://sochineniye.ru/malenkij-chelovek-v-proizvedeniyah-platonova/> (дата обращения: 30.04.2018)
7. Образ «маленького человека» в произведениях русских классиков [Автор не указан]. Режим доступа: http://www.0zd.ru/literatura/obraz_malenkogo_cheloveka_v.html (дата обращения: 30.04.2018)
8. Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Под ред. В.Ю. Вьюгина. Санкт-Петербург: Наука, 1995.
9. Аникин А.А. Тема маленького человека в русской литературе. Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/37140.php?ELEMENT_ID=37140 (дата обращения: 30.04.2018)
10. Белинский В.Г. О русских классиках. Москва: Художественная литература, 1979.
11. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1999.
12. Бродский И.А. Проза и эссе (основное собрание). Послесловие к "Котловану" А. Платонова, 1973. Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt (дата обращения: 30.04.2018)
13. Вайль П.Л. Fin de siècle и Маленький Человек, 1992. Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/44301> (дата обращения: 30.04.2018)
14. Грязнова А.Ю. Категории сиротства и родства в художественном мире Андрея Платонова. Воронеж, 2013. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kategorii-sirotstva-i-rodstva-v-khudozhestvennom-mire-andreya-platonova> (дата обращения: 30.04.2018)
15. Гуторов А. «Маленький человек» в русской литературе XIX века // Studia Rossica Posnaniensia, 1983, №17. Режим доступа: http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17-s23-46/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1982_1983-t17-s23-46.pdf (дата обращения: 30.04.2018)

16. Дмитриевская Л.Н. Новый взгляд на образ «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе, 2009, №4. Режим доступа: <http://www.mirfilologa.ru/index.php/articles/ruslit/19vek/50-novyj-vzglyad-na-obraz-malenkogo-cheloveka-v-povesti-nv-gogolya-shinel> (дата обращения: 30.04.2018)
17. Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. Москва: Наука, 1970. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0200.shtml (дата обращения: 30.04.2018)
18. Емец Е.В., Якимова С.И. Развитие темы «маленького человека» в произведениях русских классиков XIX века. Ученые заметки ТОГУ, 2016, №3. Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_130.pdf (дата обращения: 30.04.2018)
19. Ерофеев В.В. Розанов против Гоголя // Вопросы литературы, 1987, №8. Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/22187/Erofeev_-_Rozanov_protiv_Gogolya.html (дата обращения: 30.04.2018)
20. Кириллова И.В. Типология героев Платонова // Известия ВГПУ, 2007, №5, с. 119.
21. Марков Б.В. Политическая антопология. Учебник для вузов. Санкт-Петербург: Питер, 2017.
22. Меерсон О. Апокалипсис в быту. Поэтика неостраннения у Андрея Платонова. Москва: Гарант, 2016.
23. Мурзак И.И. Введение в литературоведение. Учебник для вузов. Москва: Оникс, 2007. Режим доступа: https://a4format.ru/pdf_files/slovari/4b98c46c.pdf (дата обращения: 30.04.2018)
24. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Москва: Азбука, 2012.
25. Парамонов Б.М. Россия Гоголя // Культурный Дневник, 2009. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/1566512.html> (дата обращения: 30.04.2018)
26. Платонов А.П. Пушкин – наш товарищ // Литературный критик, 1937, №1. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/pushkin-nash-tovarysch> (дата обращения: 30.04.2018)
27. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского, 1894. Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html> (дата обращения: 30.04.2018)

28. Розанов В.В. Загадки Гоголя // Русское слово, 1909, №58. Режим доступа: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_zagadki_gogola.html (дата обращения: 30.04.2018)
29. Садовников А.Г. О сущности человека и некоторых библейских мотивах в прозе Андрея Платонова // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, 2014, №2, с. 277
30. Терц А. В тени Гоголя. Москва: Старт, 1992.
31. Турбин В.Н. Герои Гоголя. Москва: Просвещение, 1983.
32. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977.
Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tynjjanow_j_n/text_01015.shtml (дата обращения: 30.04.2018)
33. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва: АСТ, 2017.
34. Храпченко М.Б. Творчество Гоголя. Москва: Советский писатель, 1959.
35. Хусаинова О.И. Тема детства в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008, №49, с.234.
36. Цветаева М.И. После России. Москва: Азбука-классика, 2010.
37. Шишкин М.П. Язык – это оборона // Критическая масса, 2005, №2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (дата обращения: 30.04.2018)
38. Шишкин М.П. Не молчать – не соучаствовать // Cultrigger, 2017. Режим доступа: <https://medium.com/@cultrigger/%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B8%D1%82-%D1%81%D0%BE%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C-3048564f7e8d> (дата обращения: 30.04.2018)
39. Шкловский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы // Шкловский В.Б. Избранное: в 2-х томах. Том 1. Москва: Художественная литература, 1983.
Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html> (дата обращения: 30.04.2018)
40. Эпштейн М.Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы, 2005, №6. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/ep7.html> (дата обращения: 30.04.2018)